

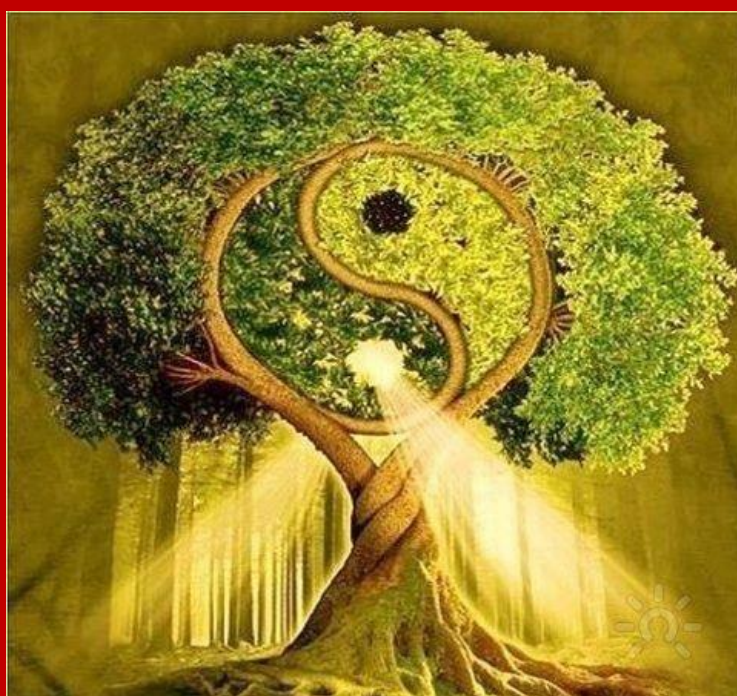
*НАУЧНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ*

<http://conference-nicmisi.ru>

ВАСИНА В.В.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТРАВМАТИЗАЦИИ
ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

Монография

г. Москва, 2021 г.

ВАСИНА В.В.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТРАВМАТИЗАЦИИ
ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

Монография

г. Москва, 2021 г.

УДК 159.9

ББК 88

В17

Рецензенты:

Немов Роберт Семенович - доктор психологических наук, профессор;

Баранская Ольга Ярославна – кандидат социологических наук, доцент.

В17 Васина В.В. Психологический аспект исторической детравматизации этнического сознания: монография. – Москва: НИЦ МИСИ, 2021. – 70 с.

ISBN 978-5-93856-552-4

Интенсивное воздействие неблагоприятных факторов среды, остроэмоциональные, стрессовые воздействия на психику, физические изменения, угрожающие жизни, нарушение ощущения безопасности, военные действия, насильственная смена места жительства, вероисповедания приводят к травмирующим последствиям каждого участника событий. Историческая травма - это разновидность психологической травмы целого народа, ее можно рассматривать и через призму психической травмы каждого отдельно взятого индивида, которому был нанесен вред.

Необходимо более подробно изучать, как влияет пережитое страшное, иногда кровавое событие на современников, то, о чем они будут с ужасом рассказывать своим детям и внукам (и далее потомкам). Потом появляются в художественной литературе описания психологической травмы, с рассказами и описаниями кошмаров свидетелей многочисленных смертей часто безоружных людей. Вследствие военных действий в любом историческом периоде появляется большое количество лиц, которые пережили шок во время боевых действий или из-за страшных известий с фронтов.

ISBN 978-5-93856-552-4

УДК 159.9

ББК 88

© *Васина В.В.*, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	5
1.	Историческая травматизация этнического сознания	7
2.	Социально-психологические аспекты предупреждения риска возникновения межэтнических конфликтов	34
3.	Возможности практического использования вероятностной модели психосоциального диссонанса в целях исторической детравматизации этнического сознания	59
	Заключение	63
	Литература	65

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТРАВМАТИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Васина Вероника Викторовна,

к.псих.н., КФУ

Введение

Интенсивное воздействие неблагоприятных факторов среды, остроэмоциональные, стрессовые воздействия на психику, физические изменения, угрожающие жизни, нарушение ощущения безопасности, военные действия, насильственная смена места жительства, вероисповедания приводят к травмирующим последствиям каждого участника событий. Историческая травма - это разновидность психологической травмы целого народа, ее можно рассматривать и через призму психической травмы каждого отдельно взятого индивида, которому был нанесен вред.

Необходимо более подробно изучать, как влияет пережитое страшное, иногда кровавое событие на современников, то, о чем они будут с ужасом рассказывать своим детям и внукам (и далее потомкам). Потом появляются в художественной литературе описания психологической травмы, с рассказами и описаниями кошмаров свидетелей многочисленных смертей часто безоружных людей. Вследствие военных действий в любом историческом периоде появляется большое количество лиц, которые пережили шок во время боевых действий или из-за страшных известий с фронтов. Стало ясно, что существует значительный кластер психических состояний и переживаний, с которыми люди справляются с трудом. Ученые выделяют различные виды психологического травмирования в историческом контексте и посттравматического расстройства (ПТСР), особенно в современных позитивистских теориях нормативной и кризисной психологии [26]. Унижение, угроза жизни и здоровью, переживание общей беды, потрясение - наиболее

яркие примеры исторических психотравм - переживаний особых взаимодействий людей и окружающего мира.

Поэтому актуально изучить основы исторической травматизация этнического сознания (п. 1), социально-психологический аспект предупреждения риска возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов (п. 2), возможности практического использования вероятностной модели психосоциального диссонанса в целях исторической детравматизации этнического сознания (п. 3). Цель исследования – описать психологические аспекты (психологические механизмы) возникновения и существования исторической травмы и возможной детравматизации этнического сознания.

Задачи исследования: 1. Описать возникновение психосоциального диссонанса, который может быть направлен на созидание новых межэтнических отношений либо на «бегство» от взаимодействия с формированием национальной исторической травмы.

2. Обосновать возможность фасилитации социального взаимодействия для отдельных народностей в целях направления энергии психосоциального диссонанса на разрешение проблемы, т.е. на детравматизацию исторической травмы.

3. Эмпирически исследовать психическое напряжение психосоциального диссонанса (конфликтов) в целях детравматизации этнического сознания.

Диагностика по социально-психологическому предупреждению риска возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов в целях детравматизации проводилась по 6 методикам: «Индекс толерантности» (Экспресс-опросник Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой); «Типы этнической идентичности» (опросник Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой); «Шкала фашизма» (опросник Т. Адорно, Э. Френкель-Брунвик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд), «Стратегии поведения в конфликтных ситуациях» (опросник К. Томаса), «Коммуникативный потенциал личности» (опросник А.Меграбиана), «Локус контроля» (тест Дж. Роттера). Выборка 500 человек.

1. Историческая травматизация этнического сознания

Любая психологическая травма вносит нарушения в нормативную организацию как психики одного человека, так и народности в определенный исторический промежуток времени. Возможно появление пограничных или клинических состояний, которые деформируют представления о мире не одного поколения носителей культуры.

З. Фрейд в 1917 году опубликовал труд «Скорбь и меланхолия», или «Печаль и меланхолия» в другом варианте перевода, как бы с виду не привязанную к последствиям военных действий (Фрейд, 2002). Все же, исследователи рассматривают ее в контексте именно тех трудов, которые определены сдвигом исследовательских, клинических и социальных интересов Фрейда во время военных действий. В своем труде Фрейд подчеркивает два варианта реагирования на чрезвычайно трудные переживания. Один способ - меланхолия, другой - это скорбь (печаль) [23].

Начиная с З.Фрейда, Д. Шребер, Е. Блейлер описывали идеи исторической несправедливости, К. Вагнер, И. Рольфинк изучали факты социального унижения, поиска правды, возмездия, жертвенности, мученичества и мессианства целых народностей, по мнению А.Н. Бегоян (2013, 2015) [5, 6, 29]. Одним из первых Э. Крепелин сообщает о возможной передаче болезненных чувств от одной личности к другой более молодой, когда предположения постепенно превращаются в уверенность, сомнения - в убеждения [15].

Считается, что при наличии массовых психических травм и национальных аффектов, нанесенных враждебной группой, задачей следующего поколения является память о травме родителей для сохранения ментального представления об утратах предков и укрепления особой идентичности большой социальной группы, А. Нил обращает внимание на природу травмирующих событий, как на извержение вулкана в социальном обществе [17]. Даже по наследству (наследственной памяти) могут

передаваться ощущения дискомфорта пограничного уровня, устойчивые измененные образования, происходит ослабление родовых и национальных традиций [7].

Достаточно долго длящееся историческое травмирование, массированная, катастрофическая травматизация приводят к посттравматическому эффекту с обеих сторон для наносящих и получающих травму. В памяти поколений остается количество жертв, нанесенный ущерб здоровью, разрушение уклада и норм, потеря социального престижа, возможности самоутверждения и уважения. Возможны интимно-личностные последствия для конкретной семьи, фамилии [21].

Если можно говорить, что для разрушительной силы психической травмы отдельного человека характерна индивидуальная значимость травмирующего события, то та же зависимость прослеживается для степени психологической защищённости, силы духа целого народа и устойчивости к тем или иным факторам и жизненным ситуациям. Психотравма – это вред, нанесенный психическому здоровью при усиленном влиянии острострессовых воздействий или неблагоприятных факторов [22]. Особенностью психологических и исторических травм является то, что они нарушают нормативность развития психики и целого исторического этапа, вводя в пограничные состояния, в ощущения дискомфорта, с нарушением адаптивных способностей мышления [14].

У некоторых людей возникает ощущение, что психотравмы отдельных личностей не могут найти отражение в будущих поколениях, поэтому не очень страшны их последствия. Но ученые Швейцарии в самом начале двадцать первого века доказали, что проявляется влияние на генетический код человека, код страха может передаваться по наследству. Появились подтверждения того, что пострадавшая психика дает сигналы боли, тревоги следующему поколению, индивиды, претерпевшие притеснения, транслируют детям страхи и неблагополучие, возникает уже два поколения с травмированной психикой с каждой стороны конфликта [19].

Историческая травма порождает не только нарушения психологического характера, но и психического, душевная боль и разлад, тяжелые испытания, вред здоровью из-за действий других людей. Чтобы отвлечь народ от одной психотравмы могут специально создаваться новые кризисные или другие экстремальные условия, чтобы уводить от первоначальных переживаний. Но особенностью исторической травмы является то, что воспоминания возвращаются, переосмыслиются, поиск справедливости продолжается, травмирующее событие не забывается, не прощается иногда даже через века. Душевную травму сложно залечить даже временем. Причины травм различны. Психологи изучают психологические травмы, называя основные причины, характеризующие травматические события [21]. Самый травмирующий фактор, самое серьезное событие, нарушающее душевное равновесие - это угроза собственной смерти, кого-то из близких, даже незнакомых людей, но своей национальности или вероисповедания, угнетают ощущения бессилия, беспомощности, ужаса. Травмирующие события было невозможно предупредить, предугадать, взять под контроль, остается обида на коварство и вероломность, уничтожается уверенность в безопасности, невозможность благополучного исхода. Многие поколения людей становятся крайне уязвимыми и ранимыми, т.к. непосредственное участие необязательно для получения психологической травмы в стрессовых событиях, иногда такие события просто очень близко касаются субъектов национальных отношений. Здесь мы можем говорить о коллективной травме, коллективной идентичности [1].

Учеными выяснено, что на длительность памяти о травмирующем событии в конкретной семье влияет личное восприятие произошедшего, неприятность, досадное недоразумение или трагедия всей его жизни. Это значит, что кроме внешних событий, можно говорить и о важности внутренних факторов, о психологическом складе личности, о сформированности представлений о добре и зле, о принятии понятий «неправильно» и

«правильно», «непозволительно» и «позволительно». В зависимости от этого различаются последствия травм [3].

В различных классификациях травмы делятся на шоковые, острые и хронические. Шоковая травма краткосрочна, появляется спонтанно в угрожающих событиях жизнедеятельности. Далее следует острая фаза травмы как прямое переживание предшествующих событий, унижения, позора, разорения. В хронической травме выделяются негативные затяжные воздействия на психику, нет ярко выраженных форм проявления, но есть возможность длиться веками. Это и есть историческая травма с необходимостью детравматизации этнического сознания обеих сторон конфликта. На этом этапе на второй план уходят травмы потери и собственных ошибок, остаются только глубинные экзистенциальные травмы и травмы отношений.

Травма потери близких, родственников, единоверцев, государственности, страх одиночества и потери себя – это, с одной стороны. Травма ошибки за содеянное, стыд, чувство вины - может быть, с другой. Экзистенциальность, убежденность в продолжении смертельной угрозы, страх смерти нации, травма отношений, страх предательства и недоверия могут остаться надолго. Коллективный субъект в данной ситуации замыкается в себе, отгораживается или становится сильнее, ассимилируется [11].

У пострадавших в остром периоде обычно наблюдаются резкие скачки настроения, то апатия и безразличие, то раздражительность и ярость, не поддающиеся контролю. Пострадавший и победивший могут одинаково ощущать вину, стыдиться своих действий из-за невозможности предотвращения случившегося, может появиться чувство тоски, безысходности, признаки культурной травмы [1]. Люди, страдающие от психотравмы, не способны ни на чем сосредоточиться и сконцентрироваться, у них все валится из рук, не получается, они могут испытывать новую тревогу и ощущать новый страх без видимых причин, они утрачивают уверенность в

получении помощь, в дружбе, в человеческой порядочности, часто чувствуют себя никому не нужными, одинокими, потерянными и вычеркнутыми из жизни.

Сталкиваясь с разного рода раздражителями по силе и напряжению, все люди по-разному реагируют на стрессовые события. Для кого-то они становятся травмой, для кого-то нет. Симптомы несут эмоциональные и физические признаки, а сила травмы зависит от индивидуальной переносимости, от значимости события, вызвавшего травму, от стрессоустойчивости, от поддержки и своевременной помощи в тяжелый момент.

Исторические травмы тяжелы для общества тем, что они подрывают доверие к будущему, прошлое должно пройти, чтобы дать дорогу для возможности продуктивно строить будущее. Непрошедшее прошлое с двадцатого века стали изучать философы и историки, стали заново оценивать такие социальные явления, как антисемитизм, колониализм, расизм, фашизм. Стало меняться отношение к тем, кто оказал воздействие, и к тем, кто пострадал. Алейда Ассман, став исследователем мемориальной культуры и исторической памяти считает, что это подрывает основы западного общества, меняя местами победителей и побежденных [4]. В эпоху модерна история строилась на забвении, на замалчивании боли жертв этнических чисток, работорговли, переселения народов, апартеида и так далее. В современном мире стираются границы между настоящим, прошлым и будущим, государства могут эксплуатировать коллективное сознание и память для покаяния, самоутверждения.

Непрошедшее, незавершенное прошлое и дает нам понимание исторических травм, но концепт необратимости времени - это официальный нарратив истории, как науки. Сосредоточенность исключительно на будущих событиях и модернизация систематически вытесняют из сознания травмы, страдания и интересы тех, кто расплачивается за прогресс, появляются новые смыслы в социальном бытии [2].

Главный вопрос - как жить дальше, все внимание нужно сконцентрировать на мечтах, на планах, на будущем, на людях, ради которых дальше стоит жить, на возможности вернуть ощущение безопасности и пережить боль. Детравматизация происходит только в процессе созидательного труда в системе самоподдержки и поддержки окружающих.

В процессе детравматизации в какой-то период обязательно произойдет кризисное столкновение с негативными чувствами и невыносимыми воспоминаниями, которых пострадавшие избегали, чтобы они не возвращались снова и снова. Детравматизация может быть пугающей, болезненной, и ретравматизирующей. Но самое важное добраться до уровня относительной безопасности и комфорта для противоборствующих сторон [10]. Восстановление после исторической травмы тоже требует времени, но иногда некоторые симптомы у отдельных представителей так и не проходят, поэтому иногда не нужно торопиться и ускоренно избавляться от всех симптомов и последствий. Невозможно усилием воли подхлестнуть процесс исцеления, поэтому следует себе позволить без осуждения и вины пережить разнообразные чувства. Не нужно изолироваться от людей, это не приведет к лучшему состоянию. Важное значение имеют просьба о помощи и выражение поддержки, в которых нуждаются люди. Необходимо на современном этапе выделять время для обычных дел, релаксации и общения. Нужно найти занятия, которые помогут улучшить самочувствие, структурирует время и займет ум. Что может позволить избежать погружения в негативный травмирующий опыт, важно позволять пережить всплывающие ощущения и эмоции, безусловно принимать и не воспрепятствовать их появлению. Нужно воспринимать эти воспоминания, как часть необходимого для желанного исцеления процесса горевания. Горевание в остром периоде после психотравмы – это нормальный процесс, какой бы она не была, но хроническое горевание не продуктивно, не оптимально, не эффективно. Если члены сообщества пережили какое-либо ужасающее событие, с неизгладимыми следами в их групповом сознании, то отпечаток в памяти коренным образом меняет их идентичность. Историческая

травма связана с ощущением социальной идентичности с одной из противоборствующих сторон. Согласно концепции социальной идентичности:

- индивидуум, ощущая себя членом какой-либо группы (разных национальностей или конфессий), стремится к максимально положительной оценке этой группы, поднимая ее статус и, одновременно, поднимая самооценку;

- смысл и свойство идентичности опираются на ряд закономерностей и сопоставления собственной группы с другими группами по соответствующим характеристикам;

- когнитивные методы самоопределения индивидуума - это категоризация и сопоставление;

- в положительной социальной тождественности видится база сопоставления себя, собственной социальной группы и именуется массовым фаворитизмом;

- когнитивный составляющий связан с психологическим, как переживание прецедента собственной адаптации к социальной группе через эмоции притяжения, любви, эмпатии, обиды и др. [9].

В процесс исторической детравматизации, прежде всего, входит смена социальных представлений через интерпретацию и осмысление повседневной реальности, ежедневной действительности. При поддержке социальных представлений каждая категория устанавливает образ своего социального окружения, общественного мира, законов, власти, социальных норм, общепризнанных правил и моралей. Социальные представления - инструмент массового общественного знания, а не личного, так как понятия вырабатываются на основе опыта, деятельности социальных групп.

Смена социальных представлений - это смена идей, системы ценностей и практик, предназначенных для ориентирования индивидов в материальном и социальном мирах, и соответственно для улучшения интрагрупповых взаимодействий соответствующих субъектов. При этом происходит смена

продуктов социального мышления и смена самих процессов конструирования новой реальности.

Если представление о травме – это непосредственное формирование конкретных образов предметов и явлений, которые люди когда-нибудь воспринимали и получали воздействие на органы чувств, то необходимо отметить основную особенность представлений, которая заключается в образе события, который воспроизводится в его отсутствии на базе сенсорного воздействия, которое предшествовало ему. С. Московичи выделяет в теории социальных представлений «три основные функции социального представления в общественной жизни: охранение стабильности, устойчивости индивидуальной или групповой когнитивной структуры; детерминация поведения и, наконец, адаптация внешних социальных фактов, введение их в строй духовной жизни коллективного субъекта» [20].

Важнейшая функция социальных представлений – это поддержание стабильности психологической жизни человека. Смысл и логика социальных представлений создают внутреннюю структуру социальных групп или индивидов, воспроизводят и актуализируют структуру, устанавливают внешние связи групп. Регуляция поведения группового и индивидуального субъекта – для социального представления вторая по важности функция. С. Московичи считает, что когда субъекты реагируют на внешние стимулы, они обращаются к перцептивному опыту своего прошлого. Смысл третьей функции заключается в адаптивном характере социальных представлений и в приспособлении новой информации к уже устоявшимся в социальной среде оценкам, нормам. Согласно Московичи важнейшая задача индивидуального познания - это овладение новым, непонятным и его превращение в банальное, обычное, свое [20].

В ходе исторической детравматизации этнического сознания необходимо изменить все 3 компонента структуры социальных представлений. С течением времени постепенно меняется информация, сумма знаний о представляемом объекте, расставляются новые акценты. Сдвигается поле представления,

характеризующее организацию его содержания с качественной стороны (картину мира и смысловое поле каждого индивида), т.е. нарушается произвольно и непроизвольно «иерархизованное единство элементов», в котором выражено богатство содержания образных и смысловых свойств представлений. Сознательно меняется установка - отношение коллективного субъекта к объекту представления, к историческому событию.

Иногда описываются итоги явления анкеровки (якорения, укрепления) в изучении социальных представлений, опираясь на мысль Московичи про существование двух взаимодействующих когнитивных систем: 1) операциональная, основанная на ассоциациях, на поиске отличий, 2) нормативная, осуществляющая контроль, верификацию, отбор, основанный на правилах. Здесь подразумевается какая-то «метасистема», перерабатывающая первоначальный материал [27].

Смена представления в ходе познания мира для субъектов социального взаимодействия – это смена рамок (рефрейминг) понимания действительности, которые формировались в прошлых поколениях и продолжают формироваться в настоящем. Одной из технологий детравматизации этнического сознания является рефрейминг, т.е. изменение содержания и контекста проблемного поведения, и ответа на эти изменения при помощи выявления положительных намерений и возникающих выгод. Таким образом, целью рефрейминга является трансформация восприятия в сторону позитивного отношения к поведению противоборствующих сторон социального взаимодействия, и, следовательно, поведение воспринимается более ресурсным. Такие изменения восприятия и социальных представлений помогают людям прийти к гармоничным отношениям в межэтнических и межконфессиональных социальных взаимодействиях [28].

Проведенный обзор показывает, что существует множество психологических описаний исторической травматизации, но нет психологического механизма возникновения и существования исторической травмы наций, народов, национальностей. Субъектами социального

взаимодействия в истории могут быть люди (личности), малые социальные группы (семьи, династии и т.д.), большие социальные группы (этносы, нации, национальности, народности, народы и т.д.). Психологический механизм един для всех субъектов взаимодействия.

Цель исследования – описать психологические аспекты (психологические механизмы) возникновения и существования исторической травмы и возможной детравматизации этнического сознания.

Психологический аспект исторической травмы - это комплекс конфликтных ситуаций между субъектами исторического и современного взаимодействия – личностями, малыми социальными группами (например, семьи, группы эмоционально близких людей), большими социальными группами (например, национальные, конфессиональные, этнические), обществами, сообществами. Сохранение в матрице памяти субъектов взаимодействия (например, этноса) результатов этих конфликтов и создания у них конфликтных паттернов и невозможности их разрешить приводит к психологической (исторической) травме – неразрешенным гештальтам, и отнесение их в подсознание, - созданию постоянных психических напряжений, психосоциальному диссонансу, что и является психологической травмой для субъекта взаимодействия (этнос, нация и т.д.).

Гипотезы исследования:

Теоретические:

Гипотеза 1. В результате несоответствия представлений субъектов взаимодействия (нации, конфессии и т.д.) нормам окружающего социума и, соответственно, сопровождающегося психическим напряжением (стрессом), возникает психосоциальный диссонанс, который может развиваться по двум траекториям: либо 1) энергия этого напряжения направляется на созидание новых отношений и разрешение возникающих проблем между субъектами взаимодействия (нациями и т.д.), либо 2) уход (бегство) от взаимодействия с соответствующими психологическими защитами, комплексами, отнесение проблемы в область бессознательного («тень» по терминологии Юнга).

Длительное испытание психического напряжения приводит к созданию архетипов в структуре коллективного бессознательного как национальной исторической травмы.

Гипотеза 2. Фасилитация социального взаимодействия для отдельных субъектов (нации и т.д.) позволяет нации рефлексировать, взглянуть со стороны на себя (находясь вне системы, связанной с нацией), объективно диссоциированно оценить состояние нации (системы), увидеть его неразрешенные гештальты, снять хронические стрессы, и направить энергию психосоциального диссонанса на разрешение проблемы, т.е. на детравматизацию исторической травмы.

Гипотеза 3. (эмпирическая). Проблемные отношения между нациями (конфессиями и т.д.) существовали и будут существовать в истории, в частности и в настоящее время. Психическое напряжение психосоциального диссонанса (конфликтов) дает возможность и энергию для творческого развития национальных отношений, вовремя их заметить и направить в конструктивное русло – задача детравматизации исторической травмы.

В мире изменения происходят чаще, с более высокой скоростью чем в психике. Наверное, поэтому, изменились трудности в обозримой истории человечества. Дело в изменении характера трудностей и их исходов, проблематично диагностировать риск появления межэтнических конфликтных ситуаций современности, актуально кросскультурное изучение социальных взаимоотношений. В новой социальной среде протраиваются обновленные нормы, происходит пересмотр старых форм жизнедеятельности, другими становятся представители разных вероисповеданий и национальностей. Нами предложена структура психосоциальных характеристик взаимодействия, как четырехуровневая модель био-психо-социо-духовной составляющей конфликтности в социуме. Часто субъекты взаимодействия не совпадают по представлениям о жизни, нормы «эталонной» группы напрягают, диссонируют.

Еще с 1955 года говорили о необходимости изучения проблемы конфликтных психических состояний и их регуляции, отечественная

психология активно изучает эту область, в понятии «состояние» закладываются междисциплинарные определения [24]. В самом широком смысле важны характеристики разных систем, отражающих положение относительно координат, как положение, в котором находится кто-либо или что-либо. Состояние – это и звание, имущественное, социальное положение; душевное и физическое или состояние; возможности и способности что-то сделать. В конфликте межэтнических и межконфессиональных интересов не может находиться одна сторона, их всегда две, и у каждой проявляются био-психосоцио и духовные составляющие, выступая регулятивной функцией к окружающей ситуации и среде [9].

Научные изыскания и консультационная деятельность за последние 15 лет показали, что человек сталкивается с несовпадением представлений различных социальных групп и страдает от состояния конфликтности, несовпадений представлений о нормах с эталонной для него группы, феномен психосоциального диссонанса проявляется в любых социальных взаимодействиях, в том числе наций и народностей [12]. Концепция психосоциального диссонанса объясняет диссонансы и консонансы из физиологии, психофизиологии, психологии, педагогики, психопедагогики, философии, и позволяет рассматривать конфликтность человека с точки зрения био-психосоцио-духовных составляющих в их тесной взаимосвязи.

Психосоциальный диссонанс (ПСД) субъект взаимодействия (СВ) испытывает (ощущает) в окружающей его в данный момент социальной среде (социуме) – это может быть любой другой субъект взаимодействия: личность, малая или большая социальная группа, общество, сообщество, и мы ПСД определили следующим образом:

Психосоциальный диссонанс – несовпадение представлений субъекта взаимодействия и норм окружающего его социума, и возникающее психическое напряжение (стресс), при этом взаимодействие может развиваться по двум возможным траекториям: либо 1) энергию психического напряжения ПСД направить на творческое развитие себя и социума; либо 2) «защитить» себя,

избегая напряжения взаимодействия, уводя в подсознание («тень») неразрешенные конфликты, проблемы, и создавая комплексы и неразрешенные гештальты, которые сохраняют напряжение в подсознании и приводят к физическим и психическим болезням, к психическим травмам.

Нами предложена модель структуры психосоциальных характеристик межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, которую можно представить как четырехуровневую модель био-психо-социо-духовной составляющей конфликтности человека:

1 – сепарабельный, предметный, материальный, соматический уровень - биологическая составляющая;

2 – энергетический, волевой, мотивационный, эмоциональный уровень - психоэмоциональная составляющая;

3 – информационный, категориальный, понятийный, ментальный уровень - психосоциальная составляющая;

4 – трансцендентный, несепарабельный, экзистенциальный, миссийный уровень - духовная составляющая.

Всякие психологические задачи могут быть рассмотрены в аспекте указанных четырех уровней и психологического фазового пространства характеристик. Взаимодействие происходит одновременно на четырех уровнях, но в данный конкретный момент преобладает какой-нибудь один уровень.

Например, при рассмотрении субъектов взаимодействия можно относить к 1 уровню личность – Я, который отделен от других Я; на 2 уровень – малую социальную группу, между членами которой существует связь эмоциональная; на 3 уровне – большая социальная группа, члены которой связаны через понятия (жители страны, носители языка и т.д.); 4 уровень соответственно занимает в целом Вселенная, как взаимосвязь всех.

Психологические явления могут быть описаны четырехуровневой моделью. При этом развитие, познание проходит от сепарабельного уровня до несепарабельного. А межэтнические и межконфессиональные конфликты, видимо, начинаются на духовном уровне, потом рушатся социальные связи,

разрываются близкие семейные узы, страдает психика и соматическое тело. Врачи начинают лечить телесные боли, снимать зависимости, не поднимаясь на более высокие уровни, и внутренний конфликт не проходит, происходит только адаптация к конфликтной ситуации. Социологи, политологи решают свою часть разрешения межнациональных конфликтов, переводя их в сферу политики и экономики, т.к. межэтнический конфликт – это конфликт между представителями разных этнических общин, которые обычно проживают в каком-либо государстве в естественной близости. В русском языке «национальность» означает обычно, что и «этническая принадлежность», оттого конфликты называют этноконфликтом или межнациональным между группами людей, которые принадлежат к разным этносам. Это особенная форма политического или социального конфликта, которая обладает кое-какими аспектами: стороны ищут поддержки в этнически дружественной или этнически родственной среде; в конфликтующих группах разделение происходит по этническому признаку; солидаризация новых участников с одной из конфликтующих сторон происходит отталкиваясь из совместной этнической идентичности, при этом эта позиция может быть им и не близка; этнический фактор в некоторых типах этноконфликтов стремится к политизации; чаще всего этноконфликты не являются ценностными, поэтому совершаются вокруг разных объектов и групповых интересов.

В авторское представление психосоциального диссонанса хорошо укладываются открытые проявления на уровне конфликта феномена как процесса (диссонансная ситуация, которая вызвана несовпадением норм этнических групп и их представлений), при психосоциальном диссонансе конфликтного состояния, и конфликтность как свойство человека (диссонансность, как черта характера, которая уже закрепилась, в разной степени присуще людям, которые часто находятся в ситуациях психосоциального диссонанса). В этом случае диссонансная устойчивость – это минимальная диссонансность в межэтнических и межконфессиональных конфликтах, наименьший коэффициент психосоциального диссонанса,

обнаруженный экспериментальным путем нами по разным измеряемым характеристикам у студентов г. Казани [11]. При этом диагностика риска межконфессиональных и межэтнических конфликтов возможна через определение психосоциальных характеристик диссонанса различных этнических или религиозных групп. Предупреждение и профилактика конфликтов происходит через снятие напряженности.

Психосоциальный диссонанс и состояние конфликтности – не негативные феномены. Развитие личности идет дорогой преодоления трудностей, повышенной активности, при напряжении и затратах сил. Встречи с диссонансом, с трудностями во взаимоотношениях обучают личность, повышают жизнестойкость, обогащают опытом полезным для жизни. Они могут принципиальным образом изменить судьбу человека и его личность, вынудить по-иному посмотреть на себя и на окружающих. Диссонансный опыт открывает возможности почувствовать жизнь по-новому на всех 4 уровнях, т.е. изменить несколько представления [13]. Избыток удовольствий (которые стали нормой) притупляет позитивные чувства, ограничение удовольствий принимается как гибель старых норм, т.е. как психосоциальный диссонанс, и приводит к внутреннему конфликту и состоянию конфликтности по отношению к внешнему миру. При этом прослеживается две противоположные направленности при преодолении состояния конфликтности. Довольно распространенный тип реагирования, как устремленность от психосоциального диссонанса – такая как реакция избегания трудных состояний и ситуаций. Встречается реже и менее очевидна направленность к психосоциальному диссонансу – реакция стремления к диссонансным ситуациям и состояниям. Обе направленности быть может ценностно-обусловленными, индивидуально-приобретенными или врожденными. В психологическом плане ситуация продукт взаимодействия реальных особенностей ситуации и человека. Включенность психики человека в ситуацию создает ситуацию как системный субъективно-объективный феномен «человек в ситуации» [16].

Что человек испытывает психосоциальный диссонанс, он может замечать (осознавать) или не замечать (не осознавать) в зависимости от личностной устойчивости и от сложности ситуации. Разрешать или не разрешать осознанную диссонансную ситуацию личность решает сам в зависимости от состояния конфликтности на данный момент. Конфликтность, как психическая напряженность, приводящая к психосоциальному диссонансу, выступает как одна из форм единой психической реакции личности. В ситуации, когда возникает психосоциальный диссонанс, для того, чтобы человек для достижения успеха был активным, ему должны быть свойственны: адекватность ситуации – правильно оценена ситуация, принято всесторонне взвешенное и верное решение, с учетом ее особенностей; поведенческая оптимальность – социальные ценности и мотивация, которые определяют поступки человека, отвечают обстановке, общественным ценностям и нормам и принятому решению; действенная успешность – реализуются и отобраны наилучшие средства, действия, приемы и способы, которые непременно обеспечивают решение задач и достижение цели; диссонансная устойчивость – наименьшая диссонансность.

Для доказательства нашей гипотезы разберем механизм взаимодействия субъектов межэтнического и межконфессионального взаимодействия (людей, или групп, обществ).

Анализ механизма проявления конфликта, психологической травмы. Психосоциальный диссонанс. Гипотеза 1.

Конфликт между субъектами взаимодействия возникает при несовпадении на предмет конфликта их представлений. В нашей решаемой задаче конфликт возникает между этническими субъектами взаимодействия. Ключевой точкой при взаимодействии выступает психосоциальный диссонанс, возникающий при нарушении границ нормы, привычного, когда субъект взаимодействия вылезает за границу зоны привычных знаний, комфорта [25].

Психологический механизм психосоциального диссонанса и взаимодействия субъекта с социумом выглядит так:

- социальная категоризация - группировка субъектов социального окружения, которые имеют сходство по важным критериям для субъекта взаимодействия;

- идентификация субъекта (социальной группы или личности) с социумом: обществом или группой, где реализуется деятельность субъекта (социальной группы или личности); внутренняя и внешняя, неформальная и формальная, социальная или персональная;

- адаптация к социальной среде, к новым условиям, к новым нормам: неформальной и формальной; внутренней и внешней;

- социальная оценка (сравнение) - установление различий психосоциальных представлений о нормах социальной группы и личности;

- рефлексия и проявление психосоциального диссонанса – внешнего и внутреннего, как несоответствие представлений и возникновения стресса, психического напряжения;

- выбор траектории «развития»: либо творческое новообразование, либо психологическая защита, приводящая к стрессу, к психологическим комплексам, психосоматическим отклонениям и т.п.;

- обратная связь – простой цикл взаимодействия субъектов;

- как итог: новоявленные психологические компетенции, конструкты; либо как стрессообразующий фактор психологическая защита, ведущая к девиациям, стрессу, психосоматическим отклонениям, конфликтам и т.д.

Ключевым этапом в цикле взаимодействия является психосоциальный диссонанс, которая становится точкой бифуркации, точкой выбора пути развития субъекта: либо психологических комплексов, незавершенных гештальтов, либо образование новых психосоциальных конструктов, компетенций, в том числе к разрешению конфликта. Дадим определение психосоциального диссонанса – это несоответствие представлений СВ нормам эталонной социальной группы и возникающее психическое напряжение,

приводящее либо к конфликту, дистрессу, девиациям, психосоматическим заболеваниям и т.д., либо к развитию субъекта – созданию новых конструктов, выходу на новую ступень. Нами также создана вероятностная (математическая) модель ПСД с мерой, позволяющей численно вычислять ПСД с помощью математических формул, а также формульно моделировать психосоциальные феномены [12]. Что поможет решить ряд теоретико-методологических проблем, которые возникают в современных социально-психологических исследованиях.

Вероятностная модель психических представлений субъекта открывает возможности рассмотрения психических процессов (развитие представлений) в виде распределения плотности вероятности развития представлений, этих процессов в субъекте [18]. Представлениями могут быть представления о самом себе - компоненты психики – вероятность (частота) с которой проявляются значения представлений о своей психики (рис. 1).

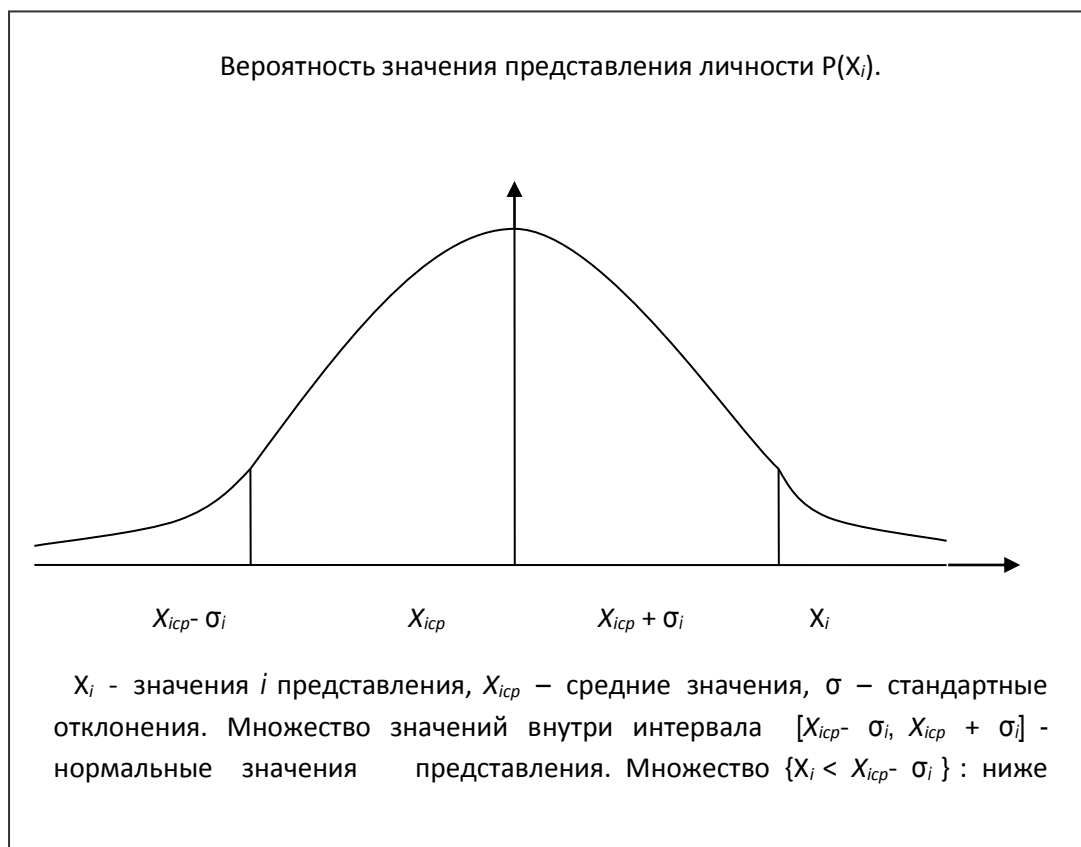

Рис.1. Плотность вероятности значения представления X_i .

Ось X_i – соответствует какому-нибудь i -тому психическому процессу. Множество значений в интервале $[X_{i\text{cp}} - \sigma_i, X_{i\text{cp}} + \sigma_i]$ – это среднее значение – соответствует свойству психики субъекта взаимодействия, т.к. это наиболее стабильные, вероятные и чаще всего встречающиеся значения. Точка X_{it} на горизонтальной оси X_i с небольшой окрестностью в момент времени t соответствует психическому состоянию.

Итак, положим, что разбираемый психический процесс отражено через баллы в тестах (число) и метрически упорядочено на горизонтальной оси X_i (i -ый процесс), которая представляет прямую. Любая точка на оси – это конкретное состояние, описанное баллами (числом). Приписывая разным участкам оси различные веса (ценности), мы приписываем разным участкам множества различную значимость $P(X_i)$. Получим распределение весовой функции, т.е. размытость разбираемого многообразия, которая определяется вероятностной функцией для нашего психического процесса. Чаще встречающиеся, наиболее вероятные состояния собираются при среднем значении $X_{i\text{cp}}$, т.е. максимума вероятности. Эта точка максимально стабильная, максимально часто встречающееся у субъекта, и, конечно, называть это значение $X_{i\text{cp}}$ и интервал около данного состояния – свойством. При нормальном распределении на отрезке $[X_{i\text{cp}} - \sigma_i, X_{i\text{cp}} + \sigma_i]$ 68% состояний процесса X_i . Поэтому психическое свойство по процессу X_i естественно можно определить, как множество состояний на отрезке $[X_{i\text{cp}} - \sigma_i, X_{i\text{cp}} + \sigma_i]$. Пара $\{X_{i\text{cp}}, \sigma_i\}$ определяет психическое свойство субъекта по процессу X_i . Свойство для субъекта выражает интегральную характеристику.

Такую же модель построим для различных социальных групп: как для малой группы, так и для больших социальных групп: конфессии, этноса, и общества. Для больших социальных групп значения X_i (числовые величины переменных) определяются измерением числового значения переменной всех членов данной группы, или по показателям статистики репрезентативной группы в этой социальной группе, определить вероятность процессов.

Общество влияет на личность через группу, и групповые влияния являются посредником между обществом и личностью. Личность, группа, общество – исследования на трех уровнях в их взаимодействии.

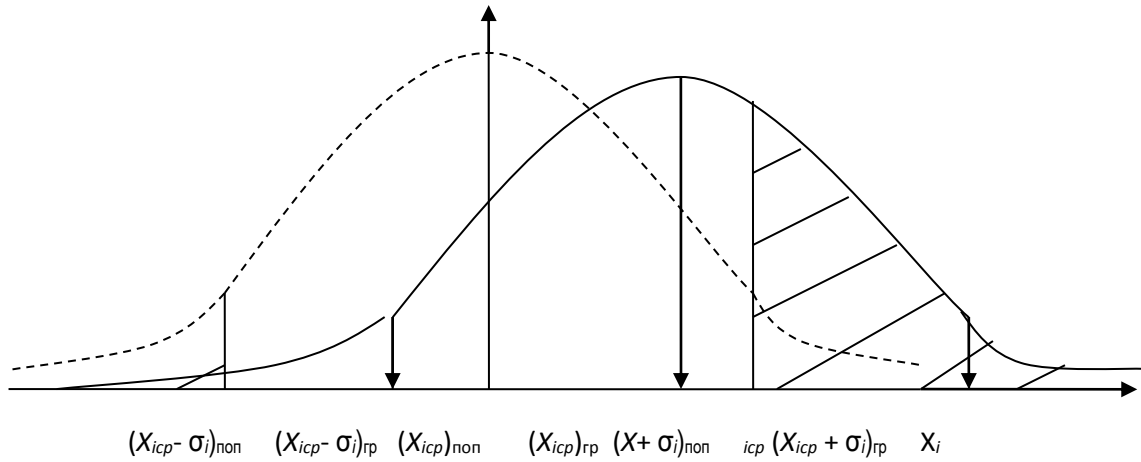
Предложен математический (численный, формульный) метод определения ПСД, как выход за рамки стандартного отклонения распределения Гаусса («нормального») характеристик в обществе (популяции) или социальной группе []. Введем «коэффициент психосоциального диссонанса» для шкалы i , который определяется как выход за рубежи нормы. Если коэффициент $K_i > 1$, то это обозначает, что $X_i > X_{icp} + \sigma_i$. Если $K_i < -1$, то это обозначает, что $X_i < X_{icp} - \sigma_i$. Если $K_i > 2$, это обозначает, что $X_i > X_{icp} + 2\sigma_i$; и при $K_i < -2$, то это обозначает, что $X_i < X_{icp} - 2\sigma_i$. Коэффициент психосоциального диссонанса, по определению, описывается выражением:

$$K_i = (X_i - X_{icp}) / \sigma_i .$$

При независимых компонентах психики личности можно на множестве $\{K_i\}$ выстроить пространство психосоциального диссонанса. Нулевая точка определяется средними значениями $\{X_{icp}\}$. Масштаб по шкалам i стандартными отклонениями $\{\sigma_i\}$. Итак, пара $\{X_{icp}, \sigma_i\}$ – задает пространство психосоциального диссонанса.

Мы брали средние значения субъектов в группе и нормы для них. Можно рассматривать взаимодействие групп, т.е. сравнивать несколько групп между собой. В качестве социальной эталонной группы возьмем популяцию (может быть и любая другая социальная группа) и посмотрим, как относится группа в целом (субъекты исследуемой группы) к нормам популяции. Нужно в качестве стандартного отклонения и среднего значения (для нормы) в построении пространства ПСД брать популяционные нормы - популяционные значения $(X_{icp})_{pop}, \sigma_{ipop}$ (см. рис. 2).

Вероятность значения представления личности $P(X_i)$ в популяции (штриховая линия) и в группе (сплошная линия).

X_i - значения i представления, $X_{иср}$ - средние значения, σ_i - стандартные отклонения. Множество значений внутри интервала $[X_{иср} - \sigma_i, X_{иср} + \sigma_i]$ - нормальные значения представления. Множество $\{X_i < X_{иср} - \sigma_i\}$: ниже нормы. а $\{X_i > X_{иср} + \sigma_i\}$: выше нормы.

Рис.2. Сравнение распределений плотности вероятности представления в группе и популяции

Области диссонанса, на рис. 2 – области, штрихованные слева и справа, - это области, значения по шкале X_i в которых у субъектов из социальной группы в диссонансе в популяции (обществе). Вероятность встречи диссонансного с нормой популяции субъекта из группы равна сумме вероятностей в области диссонанса - это суммарная, т.е. интегральная вероятность и является характеристикой всей группы, т.е. является групповой интегральной характеристикой. Область штрихованную правее точки $(X_{иср} + \sigma_i)_{поп}$ - назовем областью «положительного» диссонанса. Область правее точки $(X_{иср} + \sigma_i)_{гр}$ - где групповые субъекты с «двойным» диссонансом как в группе, так и в популяции. Область штрихованную левее точки $(X_{иср} - \sigma_i)_{поп}$ - назовем областью «отрицательного» диссонанса. «Положительный» психосоциальный диссонанс – суммарная часть субъектов группы, которые имеют значение

представлений правее, больше по шкале X_i популяционной нормы. Аналогично, «отрицательный» психосоциальный диссонанс – суммарная часть субъектов группы, которые имеют значение представлений левее, меньше по шкале X_i популяционной нормы.

Что же означает для исследуемой группы психосоциальный диссонанс при популяционной норме? Чем больше интегральный (суммарный) психосоциальный диссонанс группы, тем больше различаются представления в группе от популяционных норм (нормы большинства), тем больше возникает напряжение между популяцией и группой, тем вероятнее, что группа находится в «противостоянии» с популяцией (несоответствие представлений). И она («противостоящая» часть группы) будет образовывать в популяции конфликтность.

Для диагностики действия группы в популяции (обществе) наведем коэффициент группового ПСД. Групповой коэффициент психосоциального диссонанса определим как: $K_{гр} = (X_{ср.гр} - X_{ср.поп}) / \sigma_{поп}$.

Для нормального распределения плотности вероятности было получено математическое выражение для ПСД в социальных группах [25].

Распределения вероятности можно рассматривать как основные, базовые распределения представлений. Для кризисных ситуаций (социальные и природные катаклизмы, войны и т.д.) основное распределение плотности вероятности изменяется, и его можно вычислить при помощи формулы Байеса для условных вероятностей.

При математическом моделировании численные значения психосоциального диссонанса являются функциональными переменными, т.е. психосоциальный диссонанс нет необходимости определять при помощи психологических методик – достаточно для определения степени психосоциального диссонанса по исследуемой характеристике знать значения данной характеристики. Итак, математическая модель психосоциального диссонанса выступает как численный метод определения психосоциального

диссонанса. Соответственно, является методом определения риска конфликта (межконфессионального или межэтнического).

Таким образом, именно возникновение психосоциального диссонанса в трагических ситуациях истории и невозможность его разрешить во времени «загоняет» в подсознание субъекта взаимодействия (как личности, так и малых и больших социальных групп, таких как этнических групп и т.д. – коллективное бессознательное) напряжение в виде психической травмы, образуя в культуре этнической группы базовый архитип исторической травмы. В этом смысл первой гипотезы.

Прогнозируемый, вовремя замеченный групповой психосоциальный диссонанс (межконфессиональный или межэтнический) может предотвратить деструктивные социальные процессы в социальных группах, обществе, и создать для творческого развития групп (конфессиональных и этнических), общества условия. Возникнет возможность определять стратегию предупреждения психологического возможного неблагополучия в обозримом будущем, поддерживать в преодолении кризисов групп (конфессиональных и этнических), людей в группах, и саму популяцию, общество. Фасилитация социального взаимодействия является механизмом саморазрешения внутренних конфликтов при межэтнических взаимодействиях, разрешения исторической психологической травмы.

Фасилитация социального взаимодействия. Гипотеза 2.

В XIX веке психолог Норман Трипплетт, который интересовался гонками на велосипедах, отметил, что велосипедисты демонстрируют высокие результаты, когда соревнуются в коллективных заездах, а не «с секундомером соревнуются» (Triplet, 1898) [30].

Прежде чем сообщить свою догадку, что человек более производительно выполняет свою работу в присутствии других людей, Трипплетт провел эксперимент - в истории социальной психологии один из первых. Дети,

которым предлагалось наматывать с наибольшей возможной скоростью леску на катушку удочки, справлялись с заданием в присутствии соисполнителей быстрее, чем поодиночке. В дальнейшем было проведено множество экспериментов: в присутствии других людей быстрее решаются простые примеры на умножение, вычеркивание из текста определенной буквы, на точность выполнения заданий на моторику. Эффект, который назвали социальной фасилитацией, был и у животных в присутствии наблюдателя: муравьи разрывают песок быстрее, цыплята больше зерен поедают, крысы активнее двигаются.

В проводимых экспериментах в некоторых случаях присутствие других облегчает выполнение задачи, а в некоторых - затрудняет, что назвали ингибцией. Из-за этой неопределенности после 1940 г. исследователи почти перестали заниматься данной проблемой; пока новая идея не разрешила эту проблему. Социальный психолог Роберт Зайонц (Robert Zajonc) нашел возможность разрешить эти противоречащие экспериментальные данные. Объяснение было получено благодаря принципу экспериментальной психологии: возбуждение увеличивает доминирующую реакцию [31]. Увеличение возбуждения помогает решению простых задач, когда «доминирующей» реакцией проявляется правильное решение. Люди быстрее решают простые задачи, когда возбуждены. Если говорить о исполнении сложных заданий, когда ответ не очевиден, и потому не является доминирующей тенденцией, чрезвычайное возбуждение увеличивает вероятность *неверного* решения. Итак, возбуждение активизирует доминирующие реакции. Социальное возбуждение увеличивает доминирующие реакции, и оно благоприятствует исполнению легких задач и мешает исполнению сложных.

В науке выделяют фасилитацию социальную и педагогическую.

Под социальной понимают повышение продуктивности или скорости деятельности человека из-за актуализации в его сознании образа другого (или группы), который выступает как соперник или наблюдатель за его действиями.

Под педагогической – повышение продуктивности образования (воспитания, обучения) и развитие субъектов педагогического процесса из-за особенного стиля общения и личностных качеств педагога.

Существуют еще фасилитация в управлении и т.д., но нигде не описан психологический механизм фасилитации, кроме упомянутого механизма возбуждения Зайонца.

Нами была поставлена задача: создать модель фасилитации социального взаимодействия, которая бы объединила все существующие фасилитации. По нашему определению, эффект фасилитации социального взаимодействия – это изменение, повышение продуктивности социального взаимодействия партнеров по коммуникации при актуализации в их сознании образов социального взаимодействия: субъектов и коммуникативной ситуации в континууме фасилитация ÷ ингибция в присутствии наблюдателя. Мы выделили элементарный акт: социальное взаимодействие, которое является ключевым для всех видов деятельности, и это объединяет все виды фасилитации.

Во время фасилитации социального взаимодействия «реагирование» происходит на 3 (ментальном) уровне на сигнал, который поступил с 1 (физического) уровня.

Фасилитатор выводит из состояния покоя и приводит в возбуждение (движение) представления (мысли) СВ, и меняет сценарий социального взаимодействия. Наибольшее влияние фасилитатора на социальное взаимодействие оказывается, когда СВ находятся в точках психосоциального диссонанса ($X_{cp} - \sigma$) и ($X_{cp} + \sigma$) – точках неустойчивости, неопределенности – точках выбора: 1) обратно в закрытую систему, где все устойчиво, постоянно, инертно, нет обмена с внешним миром; или 2) выход за систему – в неизвестность, как поиск, исследование, развитие – система открыта – обмен энергией и информацией с внешним к системе миром.

В точках психосоциального диссонанса наблюдается максимальная скорость изменения плотности вероятности (вторая производная равна нулю), т.е. максимальная неустойчивость. В центре зоны комфорта (в точке X_{cp})

скорость изменений, первая производная плотности вероятности равна нулю, т.е. максимальная устойчивость – нормальный, привычный, автоматический режим – подсознание, сохранение, гомеостаз.

Присутствие фасилитатора позволяет субъектам социального взаимодействия (через зеркальные нейроны) взглянуть на систему (социальное взаимодействие СВ1-СВ2) со стороны (Я-рефлексирующий, Я-наблюдатель), и получить возможность изменить сценарий социального взаимодействия, принять решение в точке выбора – самодетерминироваться, получить «энергию движения» мысли.

Эти положения согласуются с концепцией диалогической структуры «Я» Губерта Херманса, который, опираясь на концепцию полифонического сознания М.М. Бахтина, выделяет в структуре «Я» множество относительно самостоятельных «Я-позиций» («голосов»), которые выражают различные части личностного сознания. Диалогичность «Я», многоголосие внутреннее является нормой и не идентично расщеплению шизофреническому. Здоровое «Я» имеет в виду многоголосие, при обязательном сохранении метапозиции, позволяющем увидеть между этими голосами внутри определенные связи, структурировать и упорядочить вариативность взглядов внутри «Я».

В социальном взаимодействии у фасилитатора в множестве «Я» активизированы наблюдатель ($Я_{\text{фас,набл}}$) или участник ($Я_{\text{фас,уч}}$) в континууме наблюдатель ÷ участник взаимодействия.

Все внешние наблюдатели отражаются (зеркально) в психике СВ – множестве Я: Я-наблюдатель, Я-рефлексирующий. Наблюдатель существует всегда: внешний или внутренний. По сути, мы говорим о «внутреннем», виртуальном Я-наблюдателе, Я-фасилитаторе. Контроль, управление, решение, изменение происходят в психическом, смысловом, семантическом пространстве на основе множества Я. Внешние стимулы-сигналы (внешний фасилитатор) и обратная реакция-поведение происходят в физическом пространстве.

Положения о фасилитаторе:

1. Фасилитатор всегда находится вне системы социального взаимодействия.

2. Фасилитатор воздействует на СВ через механизм рефлексии СВ. Фасилитатор на уровне физической реальности через зеркальные нейроны СВ активизирует у СВ метапозицию Я: Я-наблюдатель, Я-рефлексирующий, Я-фасилитатор. Я-фасилитатор (метапозиция) у СВ на уровне психической реальности есть отражение фасилитатора внешнего на физическом уровне.

3. Рефлексия дает СВ возможность со стороны (без эмоций, вне системы) оценить социальное взаимодействие (и свое поведение) и сделать выбор - принять решение.

4. Это решение бывает, как правило (вероятнее всего, чаще), в пользу социальных (групповых) норм, являющихся эталоном для данного социального взаимодействия данной группы. Это и есть фасилитация. Для другой группы с другими нормами может быть иначе, не в пользу этих норм, тогда это – ингибция.

В этом выражается относительность оценки (хорошо-плохо) влияния фасилитатора на социальное взаимодействие для разных социальных групп (норм, эталона).

5. Фасилитатор, или рефлексия СВ дает возможность изменить идентификацию СВ с персонального на социальную. Т.е. при фасилитации идентификация всегда социальная, групповая. Фасилитатор всегда отражает групповые (этнические) интересы!

Таким образом, фасилитации этнических групп позволяет им изменить свои социальные представления (в том числе и об исторической травме) в пользу интересов социума (большинства), творчески их переработав, уйти от рабства архитипов.

2. Социально-психологические аспекты предупреждения риска возникновения межэтнических конфликтов

Концепция диагностики и преодоления межэтнических и межконфессиональных конфликтов с учетом психосоциального диссонанса применительно к нашему исследованию обеспечивает изучение детерминант развития общества не только с точки зрения способности как системного свойства психики целостной личности, но и как процесса саморазвития, обусловленного изнутри, а не только извне. Это предполагает, по нашему мнению, – 1) выявление психосоциального диссонанса, которое проявляется в несоответствии личностного представления с групповыми (статистическими) нормами (нормами большинства); 2) осознание причин психосоциального диссонанса, как нарушение норм, как не совпадение представлений, которые ведут к стрессу, блокировке физиологических процессов, нарушению их; 3) выход из нарушений представлений: либо - а) на следующий (верхний) уровень осознания, развития, и понять, что там это нарушение означает (расширить представления норм); либо - б) на прежнем уровне уменьшить психосоциальный диссонанс, т.е. сдвинуть личностные значения представлений в сторону групповых норм.

Эмпирические исследования. Гипотеза 3.

Направить энергию конфликта и психосоциального диссонанса в плодотворное дело, творчество, саморазвитие или же на разрушение, болезнь, противостояние – вот выбор перед которым стоит человек, и этот выбор в свою очередь определяется мотивами человека. Без психосоциального диссонанса нет развития, развитие – это что-то новое, т.е. вне нормы – диссонансно. Чем больше значение суммарного диссонанса группы, тем больше напряженность между обществом и группой, тем больше вероятность, что группа будет в конфронтации с обществом по одному из признаков. Превентивно

определяемый межгрупповой психосоциальный диссонанс разрешает предсказывать развитие общественных процессов в обществе и выстраивать на этом основании стратегию предотвращения социальных кризисов.

Учитывая результаты нашего исследования, можно установить ряд перспективных направлений и научных проблем, которые требуют дальнейшего изучения: появляется возможность исследования в различных напряженных ситуациях между людьми (внутри социальной группы – коллективе, семье, обществе и т.д.), между группами (внутри общества), обществами (межгосударственные, межнациональные отношения).

У людей разных конфессий и национальностей в течение их жизни складывается разный диссонансный опыт – преодоление конфликтных ситуаций и ситуаций психосоциального диссонанса. Разработанная нами резонансно-диссонансная терапия в качестве тренинговой работы позволяет накопить несложный опыт нахождения в процессе регуляции диссонансного состояния конфликтности, минимизации состояния конфликтности при необходимости и получения диссонансной устойчивости для созидательного, плодотворного труда и перевода негативных состояний в позитивные.

К диссонансным ситуациям в течении жизни людей, вызванными несовпадением конфессиональных представлений и национальных норм, надлежит относиться как к неотвратимости, как неотъемлемой ее характеристике, в каком-то смысле как к норме, каждый человек в чем-то не совпадает с установленной нормой. ПСД присутствует всюду, и культура образованного современного человека полагает его готовность к трудностям жизни без конфликтов в социуме, здоровое отношение к их преодолению и ним самим, культуру саморегуляции своих состояний и своего поведения. Сегодня людям нужна более многогранная и обстоятельная подготовка для удачных действий в ситуациях диссонанса и несовпадения суждений, картины мира, образа мыслей. Проблемы и трудности диссонансных ситуаций находятся в человеке, а не только вне него. Человеку обязательно надо понимать и знать себя, управлять собой, уметь себя готовить, чтобы выходить из диссонансных

ситуаций и состояний межэтнической конфликтности с наименьшими потерями.

На основе авторской модели психосоциального диссонанса и понимания исторической травмы нами проведена диагностика риска появления конфликтов между конфессиональных и этнических групп.

Конфликты на национальной и религиозной почве будут продолжаться, пока будут существовать различные этносы, конфессии, самобытные представления о бытие. Есть ли возможность сближения их понимания картин жизни и уменьшения риска возникновения конфликтов и травм в историческом будущем. Даже языковые различия приводят к серьезным недопониманиям, к формированию противоположных представлений близких народов из-за своеобразия самоопределения и самоидентичности. Неожиданное знание, что человек принадлежит к другой (противоположной) конфессии (этносу), автоматически, подсознательно меняет отношение даже к другу.

Теоретические основания данного исследования - вероятностная философия (Налимова В.В.); синергетические основы самоорганизующихся систем; авторская модель четырехуровневых представлений; влияние психосоциального диссонанса на проявления исторической травматизации.

Нами выявлено, что психосоциальный диссонанс связан с возникновением межконфессиональных и межэтнических конфликтов, его можно вычислить численно при помощи математического описания, что способствует предупреждению и профилактике, т.е. при сближении представлений представителей разных этносов и конфессий через фасилитацию социального взаимодействия: обучение и воспитание толерантности, через расширение области «нормальных» представлений, через принятие. При эмпирическом подтверждении исторической травматизации в качестве объекта выступают большие социальные группы, как совокупность вероятностных представлений.

Диагностика проводилась по 3 методикам: «Индекс толерантности» (Экспресс-опросник Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А.

Шайгеровой); «Типы этнической идентичности» (опросник Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой); «Шкала фашизма» (опросник Т. Адорно, Э. Френкель-Брунвик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд), выборка 500 человек. Для определения исторической травматизации важны субшкалы «этнической толерантности» (отношения людей к представителям других этнических групп), «социальной толерантности» (интолерантных проявлений в отношении различных социальных групп), «толерантности как черты личности» (личностных черт, установок, убеждений).

В типах этнической идентичности уделялось внимание этнонигилизму (форме гиподентичности, отходу от собственной этнической группы), этнической индифферентности (размыванию этнической идентичности), норме (позитивной этнической принадлежности с позитивным отношением к другим народам), этноэгоизму (конструкту «мой народ» за «чужой» счет), этноизоляции (негативному отношению к межэтническим бракам), этнофанатизму (готовности на любые действия во имя этнических интересов). В этноэгоизме, этноизоляции и этнофанатизме прослеживается гиперболизация этнической идентичности, что и приводит к травме, обиде за нацию. Этническая нетерпимость, раздражение, агрессивные и насильственные действия против другой группы приводят к геноциду.

Шкала фашизма, причиняющего историческую травму своему и враждебному народу, выявляет авторитарную личность, уровень антисемитизма и этноцентризма. Это проявляется в консерватизме, авторитарном подчинении, авторитарной агрессии, антиинтрацепция (непрятии всего субъективного, творческого, в обесценивании человека), суеверности и стереотипии (веры в мистическое), «комплексе власти», в деструктивности и цинизме (общей враждебности), проективности (проекции страхов на внешний мир), преувеличенной озабоченности сексуальной жизнью.

Выборка по анкетным данным разделена на 3 подгруппы: 1) атеисты, 2) верующие (христиане, мусульмане), 3) «космополиты» - веруют в единого Бога, 19 шкал позволили вычислить психосоциальный диссонанс, как

предрасположенность к восприятию исторической травматизации. Первая колонка название вышеописанных шкал. Следующие шесть пар колонок представляют значение психосоциального диссонанса для трех исследуемых конфессиональных групп. Затушеванные ячейки представляют значение психосоциального диссонанса выше 0,32, т.е. имеется тенденция к психосоциальному диссонансу по этой шкале. Выделенные жирным шрифтом имеют значение близкое к 0,5, т.е. существует психосоциальный диссонанс между рассматриваемыми группами.

По аналитическим формулам вычислялся психосоциальный диссонанс (ПСД) для разных пар (атеисты – верующие, атеисты – космополиты, верующие – космополиты), которые приведены в таблице 1, для пар по национальному признаку в таблицах 2 и 3. Первая социальная группа в паре является эталонной, по сравнению с которой вторая группа испытывает диссонанс (психологическую травму). В следующей паре эталон и сравниваемая группа меняются. Диссонанс, а, следовательно, и историческая травма несимметричен: одна группа по сравнению с другой может их испытывать, но другая при этом диссонанс (травму) может не замечать.

Таблица 1

Межгрупповой (межконфессиональный) психосоциальный диссонанс

этал-срав	атеи -вер		вер-атеи		атеи-косм		косм-атеи		вер-косм		косм-вер	
	Р+	Р-	Р+	Р-	Р+	Р-	Р+	Р-	Р+	Р-	Р+	Р-
ПСД												
I. этн.тол.	0,35	0,02	0,07	0,45	0,41	0,02	0,05	0,49	0,21	0,13	0,12	0,19
соц.тол.	0,25	0,09	0,09	0,25	0,08	0,15	0,25	0,17	0,03	0,27	0,37	0,10
тол.лич.	0,42	0,01	0,05	0,54	0,25	0,09	0,09	0,26	0,10	0,40	0,27	0,02
общ.тол.	0,44	0,03	0,03	0,46	0,23	0,02	0,12	0,41	0,03	0,20	0,36	0,13
II.эт.нигиз.	0,02	0,14	0,36	0,17	0,06	0,15	0,28	0,17	0,24	0,17	0,09	0,15
эт.индф.	0,01	0,04	0,35	0,27	0,14	0,10	0,18	0,23	0,36	0,20	0,02	0,11
нор.эт.ид.	0,14	0,14	0,17	0,17	0,10	0,03	0,20	0,34	0,12	0,03	0,19	0,33
эт.эгоизм	0,04	0,12	0,32	0,19	0,06	0,18	0,30	0,14	0,17	0,22	0,14	0,11
эт.изол.	0,06	0,19	0,29	0,14	0,15	0,17	0,17	0,15	0,28	0,15	0,07	0,17
эт.фанат.	0,03	0,20	0,35	0,13	0,08	0,27	0,28	0,08	0,21	0,23	0,10	0,09

этал-срав	атеи -вер		вер-атеи		атеи-косм		косм-атеи		вер-косм		косм-вер	
Ш.консерв.	0,09	0,14	0,23	0,18	0,09	0,34	0,28	0,05	0,13	0,36	0,20	0,03
авт.подч.	0,04	0,02	0,27	0,32	0,04	0,14	0,33	0,17	0,11	0,38	0,24	0,03
авт.агрес.	0,02	0,16	0,38	0,16	0,07	0,33	0,31	0,06	0,20	0,33	0,10	0,03
ан.интрац.	0,07	0,16	0,26	0,16	0,07	0,26	0,30	0,09	0,13	0,26	0,19	0,08
суев.стер.	0,03	0,01	0,29	0,34	0,09	0,07	0,23	0,25	0,24	0,26	0,08	0,06
ком.влас.	0,07	0,04	0,24	0,29	0,13	0,17	0,19	0,15	0,21	0,31	0,10	0,04
дестр.цин.	0,03	0,49	0,47	0,02	0,04	0,33	0,37	0,06	0,24	0,06	0,11	0,30
проектив.	0,16	0,32	0,16	0,04	0,16	0,37	0,16	0,02	0,16	0,21	0,16	0,11
озаб.секс.	0,07	0,15	0,27	0,17	0,10	0,17	0,23	0,15	0,20	0,18	0,12	0,14

Обнаружен психосоциальный диссонанс и возможность исторической травмы между группами верующих и атеистов по шкалам «этническая толерантность» и «толерантность как черта личности», «общей толерантности». У атеистов диссонанс даже более выражен, т.е. более низкая толерантность, до психического напряжения. Выявленный диссонанс отмечается по шкале «деструктивность и цинизм» у атеистов и верующих.

В полиэтническом обществе позитивная этническая идентичность свойственна подавляющему большинству (это статистическая норма), которая задает оптимальный баланс толерантности, условия самостоятельности и стабильного существования, условия мирного межкультурного взаимодействия.

В таблице 2 показаны значения психосоциального диссонанса как возможности травматизации для межэтнических отношений для трех социальных этнических групп: русских, татар, удмуртов.

Таблица 2

Межгрупповой (межэтнический) психосоциальный диссонанс

этал-срав	рус-тат		тат-рус		рус-удм		удм-рус		тат-удм		удм-тат	
	P+	P-	P+	P-	P+	P-	P+	P-	P+	P-	P+	P-
ПСД												
этно.тол.	0,36	0,03	0,06	0,42	0,06	0,00	0,24	0,40	0,00	0,18	0,48	0,15
соц.тол.	0,09	0,10	0,23	0,22	0,40	0,07	0,03	0,32	0,48	0,10	0,01	0,29
тол.лич.	0,11	0,14	0,22	0,18	0,14	0,21	0,19	0,11	0,18	0,24	0,13	0,09

этал-срав	рус-тат		тат-рус		рус-удм		удм-рус		тат-удм		удм-тат	
общ.тол.	0,15	0,02	0,16	0,38	0,27	0,06	0,09	0,32	0,28	0,21	0,06	0,10
эт.нигиз.	0,03	0,22	0,36	0,12	0,32	0,03	0,07	0,39	0,60	0,02	0,01	0,56
эт.индф.	0,25	0,00	0,12	0,51	0,29	0,03	0,08	0,38	0,21	0,27	0,10	0,06
нор.эт.ид.	0,28	0,09	0,08	0,26	0,17	0,20	0,14	0,12	0,09	0,30	0,26	0,06
эт.эгоизм	0,00	0,54	0,64	0,04	0,05	0,31	0,33	0,07	0,43	0,09	0,02	0,29
эт.изол.	0,00	0,15	0,62	0,16	0,12	0,12	0,19	0,20	0,65	0,12	0,00	0,29
эт.фанат.	0,00	0,43	0,68	0,09	0,01	0,22	0,43	0,12	0,49	0,09	0,01	0,30
консерв.	0,07	0,28	0,29	0,08	0,09	0,34	0,26	0,05	0,17	0,22	0,14	0,10
авт.подч.	0,15	0,05	0,17	0,30	0,16	0,14	0,16	0,18	0,17	0,28	0,15	0,06
авт.агрес.	0,04	0,16	0,33	0,16	0,17	0,27	0,15	0,07	0,30	0,27	0,03	0,05
ан.интрац.	0,15	0,21	0,17	0,11	0,17	0,31	0,15	0,05	0,18	0,26	0,14	0,07
суев.стер.	0,24	0,03	0,11	0,39	0,13	0,03	0,18	0,35	0,07	0,20	0,27	0,13
ком.влас.	0,18	0,11	0,14	0,21	0,13	0,07	0,18	0,26	0,11	0,12	0,21	0,20
дестр.цин.	0,20	0,10	0,12	0,23	0,09	0,19	0,24	0,13	0,07	0,28	0,30	0,08
проектив.	0,05	0,03	0,26	0,32	0,04	0,20	0,34	0,13	0,10	0,44	0,27	0,01
озаб.секс.	0,02	0,05	0,33	0,25	0,14	0,17	0,18	0,15	0,31	0,27	0,03	0,05

В отношениях этнических групп русских и татар обнаружен психосоциальный диссонанс и возможность исторической травмы симметрично по шкалам этноэгоизм и этнофанатизм: (-0,54 и -0,43), так и у (+0,64 и +0,68). При чем более сильное психическое напряжение у русских. По шкалам этническая толерантность, этническая индифферентность, этноизоляция ПСД не симметрично: у татар отсутствует ПСД (психическое напряжение во взаимоотношениях с русскими по этим шкалам), у русских присутствует – по этнической толерантности (-0,42), этнической индифферентности (-0,51), и положительный (т.е. выше значения по этой шкале) по шкале этноизоляция (+0,62). Русские оказались менее этнически толерантны, менее этнически индифферентны, и более этнически изолированы, или татары более толерантны и индифферентны. Это может породить новые конфликты или говорить о старых разногласиях.

Возможен риск возникновения межэтнического конфликта между русскими и удмуртами по этим же шкалам и тенденция непонимания по социальной толерантности (0,40). Удмурты считают, что у русских недостаточно высокая социальная толерантность. В паре татары-удмурты обнаружен симметричный психосоциальный диссонанс по шкале этнонигилизм. Удмурты более нигилистичны к своей нации по сравнению с татарами и русскими. И несимметричные основы травматизации выявлены в межэтнических отношениях татар и удмуртов по 6 шкалам: по этнической и социальной толерантности (по 0,48), этноэгоизму (0,43), этноизоляции (0,65), этнофанатизму (0,49), проективности (0,44).

Для целостности картины мы исследовали возможность травм между каждой нацией и всей выборкой («обществом»). Результаты вычислений представлены в таблице 3.

Таблица 3

Психосоциальный диссонанс между выборкой и социальными группами
русских, татар, удмуртов

этал-срав	все-рус		рус-все		все-тат		тат-все		все-удм		удм-все	
	P+	P-	P+	P-	P+	P-	P+	P-	P+	P-	P+	P-
ПСД												
этн.тол.	0,14	0,22	0,18	0,11	0,32	0,05	0,07	0,35	0,04	0,02	0,27	0,34
соц.тол.	0,13	0,18	0,19	0,14	0,06	0,12	0,27	0,19	0,35	0,08	0,04	0,29
тол.лич.	0,17	0,15	0,14	0,16	0,12	0,13	0,20	0,18	0,15	0,21	0,17	0,11
общ.тол.	0,14	0,21	0,18	0,12	0,13	0,04	0,18	0,32	0,25	0,08	0,10	0,26
эт.нигиз.	0,16	0,17	0,16	0,15	0,03	0,24	0,37	0,11	0,31	0,04	0,07	0,37
эт.индф.	0,13	0,22	0,20	0,11	0,18	0,01	0,15	0,43	0,23	0,06	0,11	0,30
нор.эт.ид.	0,14	0,16	0,18	0,15	0,26	0,09	0,09	0,25	0,16	0,20	0,16	0,12
эт.эгоизм	0,22	0,10	0,11	0,23	0,00	0,38	0,54	0,07	0,09	0,21	0,25	0,12
эт.изол.	0,20	0,16	0,12	0,16	0,00	0,14	0,59	0,17	0,17	0,11	0,15	0,21
эт.фанат.	0,24	0,12	0,10	0,21	0,00	0,28	0,60	0,12	0,04	0,15	0,33	0,17
консерв.	0,19	0,11	0,13	0,21	0,09	0,21	0,24	0,12	0,11	0,28	0,22	0,07
авт.подч.	0,18	0,18	0,14	0,14	0,17	0,06	0,15	0,28	0,18	0,16	0,14	0,16
авт.агрес.	0,18	0,14	0,14	0,18	0,05	0,13	0,30	0,18	0,18	0,24	0,13	0,08

этал-срав	все-рус		рус-все		все-тат		тат-все		все-удм		удм-все	
ан.интрац.	0,16	0,12	0,16	0,20	0,15	0,17	0,17	0,15	0,17	0,27	0,15	0,07
суев.стер.	0,16	0,21	0,15	0,11	0,25	0,05	0,10	0,34	0,14	0,05	0,17	0,29
ком.влас.	0,17	0,18	0,14	0,14	0,20	0,13	0,12	0,19	0,15	0,09	0,17	0,23
дестр.цин.	0,18	0,16	0,14	0,16	0,23	0,10	0,10	0,23	0,11	0,19	0,22	0,13
проектив.	0,20	0,17	0,12	0,15	0,09	0,03	0,22	0,33	0,06	0,21	0,29	0,12
озаб.секс.	0,18	0,17	0,14	0,15	0,03	0,06	0,31	0,24	0,16	0,18	0,15	0,14

Русские респонденты по исследуемым шкалам не испытывают в обществе в целом психосоциальный диссонанс. У удмуртов наметились только слабые тенденции. Татары с обществом показали ярко выраженный диссонанс по четырем шкалам: по этнической индифферентности (-0,43), этноэгоизму (0,54), этноизоляции (0,59), этнофанатизму (0,60). Татары при этом диссонанс могут не ощущать, а общество по этим шкалам ощущает некоторое напряжение во взаимодействии с этнической группой татар. Этническая индифферентность у татар выше, чем у общества в целом, что и создает предпосылки для межэтнического конфликта. Значения по этноэгоизму, этноизоляции, этнофанатизму больше присущи обществу в целом, по сравнению с группой татар.

Другой комплекс исследований исходил из модели психосоциального диссонанса - рассмотрены разные варианты развития диссонансных (конфликтных) ситуаций. Для эмпирического рассмотрения этих утверждений нами было проведено тестирование (Опросник Томаса «Стратегии поведения в конфликтных ситуациях»). В тесте К. Томаса предполагается, что в конфликтных ситуациях, в том числе этноконфликтах, люди могут выбрать одну из пяти основных стратегий поведения – это стратегии противоборства (борьбы), сотрудничества (объединения), компромисса (согласия), уклонения (избегания), уступки (сглаживания).

Противоборство и давление проявляются в том, что один народ всегда и везде стремится к достижению собственных целей в конфликтной ситуации и старается подавить своего партнера. Сотрудничество проявляется во

взаимодействии на равных с партнерами. При компромиссе ищут третий вариант решения, удобный и приемлемый для обоих партнеров. Избегание любых напряженных ситуаций - это уход, замкнутость, отказа от дальнейших взаимодействий. Мягкая коммуникативная тактика уступки необходима в конфликте с сильным агрессивным партнером. Важно изучить, какая стратегия наносит больший урон, остается в памяти народа, наносит историческую травму.

Мы попытались это определить через психосоциальный диссонанс по коммуникативно-волевым компонентам опросников Меграбиана и Роттера: эмпатия, присоединение, чувствительность к критике и локус-контроля (интернальность/экстернальность). Вычислили коэффициенты психосоциального диссонанса, получили 3 группы характеристик: 1) $K < -1$ «отрицательный» диссонанс; 2) $K < 1$ нет диссонанса; 3) $K > 1$ «положительный» диссонанс. Были определены средние значения стратегий поведения в конфликтных ситуациях. На рис. 3 – 6 представлены графики стратегии поведения для разных диссонансных групп по исследуемым четырем коммуникативно-волевым компонентам (эмпатия, присоединение, чувствительность к критике, локус-контроля). Рассмотрим далее, какие стратегии поведения при конфликтных (диссонансных) ситуациях присущи разным диссонансным социальным группам.

На рис. 3 представлены данные стратегий поведения для разных диссонансных групп по характеристике эмпатия. Интересны данные для стратегий «противоборство», «компромисс», «избегание», «уступка». Мы отмечаем, что для группы $K > 1$ максимальные значения имеют «компромисс» и «уступка», минимальные значения отмечаются у «противоборства». Диссонансные по эмпатии субъекты взаимодействия более компромиссны и уступчивы, отказываются от стратегии противоборства.

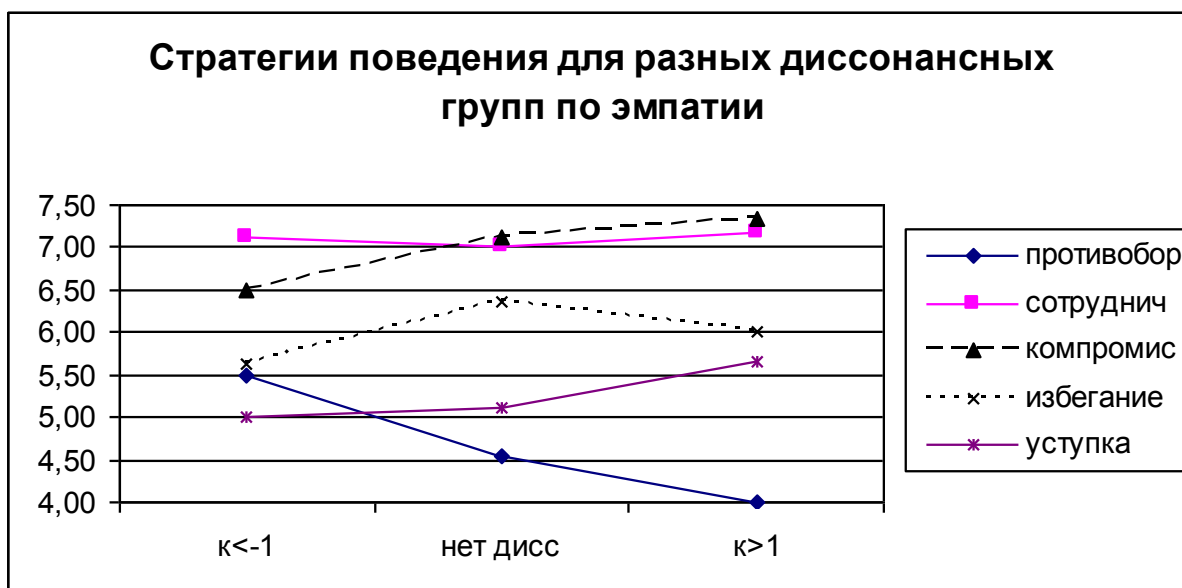

Рис. 3. Стратегии поведения для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (К) по характеристике «эмпатия».

Таким образом, с повышением значений коэффициента диссонанса К, идет уменьшение значений по стратегии противоборства, т.е. с повышением эмпатии понижается противоборство: более сопереживающие субъекты взаимодействия не склонны к борьбе, к отстаиванию своих представлений в противоположность от значений по стратегии избегания и компромисса, где «диссонансные» субъекты с большей эмпатией более уступчивы и склонны к компромиссу.

Однако низкие значения избегания наблюдаются у субъектов как с высокими показателями эмпатии, так и с низкими.

Самые высокие значения стратегии избегания у субъектов группы с отсутствием диссонанса по эмпатии (нормальными показателями эмпатии).

На рис. 4 представлены значения стратегий поведения для диссонансных групп по присоединению.

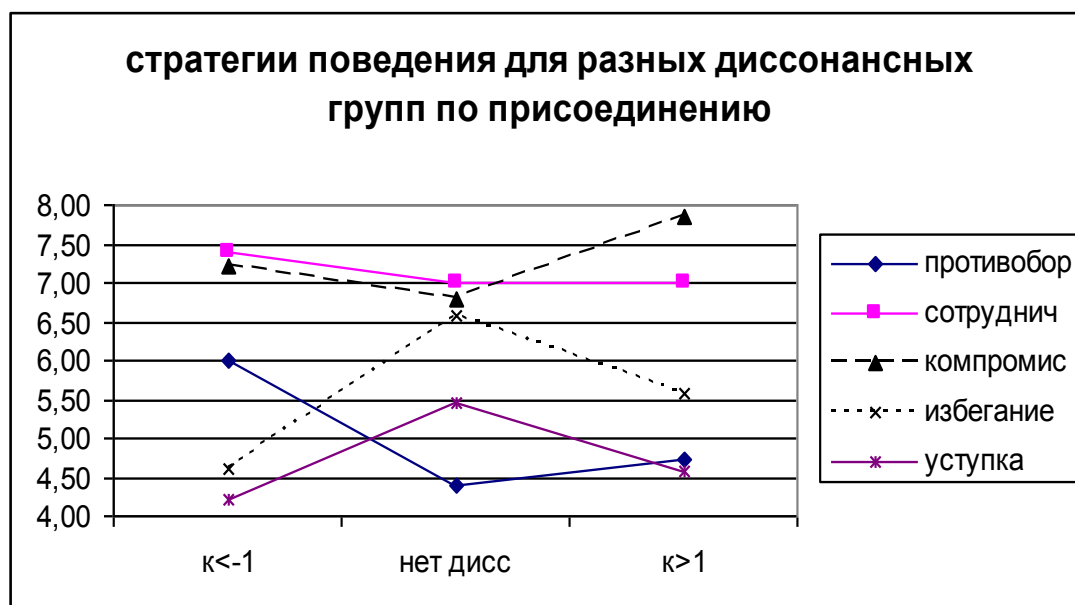

Рис. 4. Стратегии поведения для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (K) по характеристике «присоединение».

Показатели противоборства и компромисса выше у представителей диссонансных групп, чем у субъектов с нормальными показателями присоединения (с отсутствием диссонанса по характеристике «присоединение»). При этом у субъектов несклонных к присоединению ($K < -1$) – более высокие значения противоборства, а у диссонансных слишком склонных к присоединению ($K > 1$) – более высокие значения стратегии «компромисса». Это значит, что людям, предпочитающим уединение, присущи стратегия поведения «противоборство», а слишком стремящимся к общению присущ «компромисс».

Стратегии избегания и уступки, наоборот, меньше у представителей диссонансных групп по характеристике присоединения, чем у группы, в которой отсутствует диссонанс. При этом для диссонансных групп максимальное значение стратегий избегания и уступки отмечается у субъектов с низкими значениями по шкале «присоединение», несклонных к контакту, группы с отрицательным диссонансом ($K < -1$).

На рис. 5 представлены значения стратегий поведения диссонансных групп по характеристике чувствительность к критике.

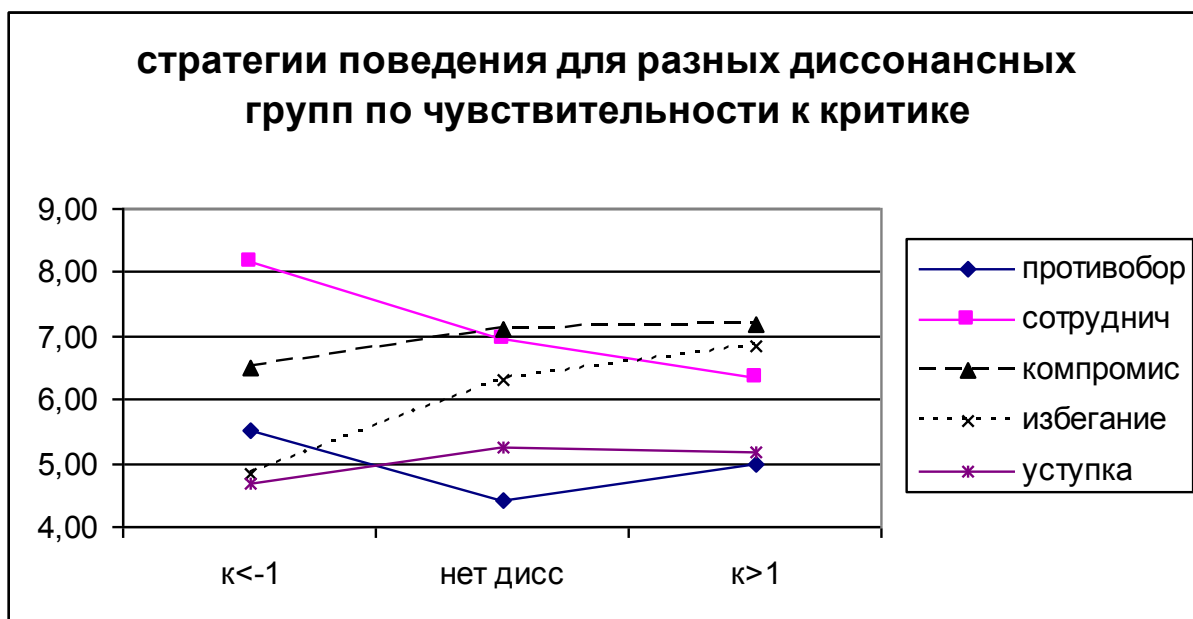

Рис. 5. Стратегии поведения для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (К) по характеристике «чувствительность к критике».

У чувствительных к критике групп с коэффициентом диссонанса $K > 1$ повышенные значения стратегии избегания и компромисса и пониженные значения стратегии сотрудничества по сравнению с другими группами. Т.е. чувствительные к критике (сенситивные к отвержению) люди при конфликтах избегают и стремятся к компромиссу. И, наоборот, у группы с коэффициентом диссонанса $K < -1$, нечувствительных к критике, не сенситивных к отвержению выявлены высокие значения стратегии сотрудничества.

У субъектов группы с отсутствием диссонанса по характеристике «чувствительность к критике» (сенситивность к отвержению) самые низкие значения стратегии противоборства. Это значит, что статистическое большинство с нормальной характеристикой чувствительности к критике избегает противоборства и за счет этого сохраняется устойчивость группы.

На рис. 6 представлены значения стратегий поведения в конфликтных ситуациях диссонансных групп по характеристике экстернальность-интернальность.

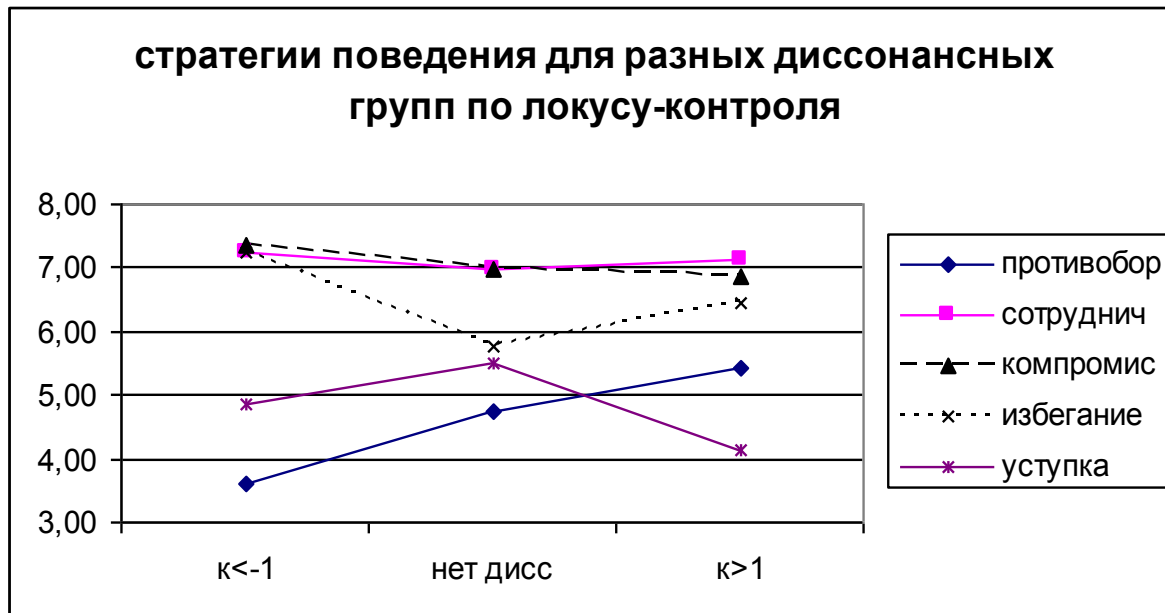

Рис. 6. Стратегии поведения для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (K) по характеристике «экстернальность-интернальность».

Стратегию избегания выбирают субъекты с высокой экстернальностью $K_i > 1$, им присущи такие качества как безответственность, уход от решения проблем, перекладывание вины на обстоятельства и других людей. С другой стороны, интерналы ($K_i < -1$) также выбирают стратегию избегания конфликта, но по другой причине: чувствуя ответственность за последствия конфликта. Низкие значения стратегии уступка как у экстерналов, так и у интерналов означает, что они предпочитают более эффективные стратегии сотрудничества и компромисса (высокие абсолютные значения для всех исследуемых диссонансных групп).

С возрастанием экстернальности возрастает выбор стратегии противоборства, интернальные личности берут ответственность за свои поступки на себя и поэтому считают противоборство неприемлемым.

Эти же эмпирические данные, но сгруппированные по стратегиям поведения в конфликтных ситуациях, показаны на рис. 7 – 11, а также на рис. 12 – 16 показаны эти же эмпирические данные, сгруппированные по профилям поведенческих стратегий для диссонансных групп по каждому из четырех коммуникативно-волевых компонентов. Для большей наглядности выделена отдельная группа субъектов взаимодействия, у которых нет диссонанса ни по одной из четырех характеристик коммуникативно-волевого компонента (присоединение, эмпатия, чувствительность к критике, локус-контроля), мы назвали эту группу конформными. Эмпирически мы получили количество субъектов в конформной группе, что составляет 17% от общего числа выборки (это согласовывается с данными основных исследований). И поскольку в диссонансных группах по 16%, то оставшаяся часть группы (не диссонансных и не конформных) составляет примерно 50% общей выборки. Это люди определяют норму и уравнивают группу между крайними (диссонансными) значениями, они сглаживают результаты «соглашателей и приспособленцев», которые не желают ничего менять и ведут к инертности группы.

Эмпирически выявлена взаимосвязь конфликтных стратегий и особенностей проявления психосоциального диссонанса коммуникативно-волевых компонентов как предиктов исторической травматизации. Сравнивая рис. 7 - 11 можно отметить, что у конформных субъектов взаимодействия максимальные значения по сравнению с другими группами выявлены по стратегиям поведения «уступка» и «избегание», в стратегии «избегание» кроме интернальных ($K_i < -1$ по локусу-контроля) и высокочувствительных к критике ($K > 1$ по чувствительности к критике). Минимальное значение у конформной группы имеет стратегия поведения «сотрудничество» и «противоборство», в стратегии «противоборство» кроме интернальных ($K < -1$ по локусу-контролю) и высокосопереживающих ($K > 1$ по эмпатии). Таким образом, субъекты из групп конформных (у которых по всем четырем коммуникативно-волевым характеристикам отсутствует диссонанс) предпочитают в конфликтных

ситуациях быть более уступчивыми и избегать обострения конфликта, при этом исключают противоборство и сотрудничество, т.е. в конфликтных ситуациях имеют минимальное взаимодействие.

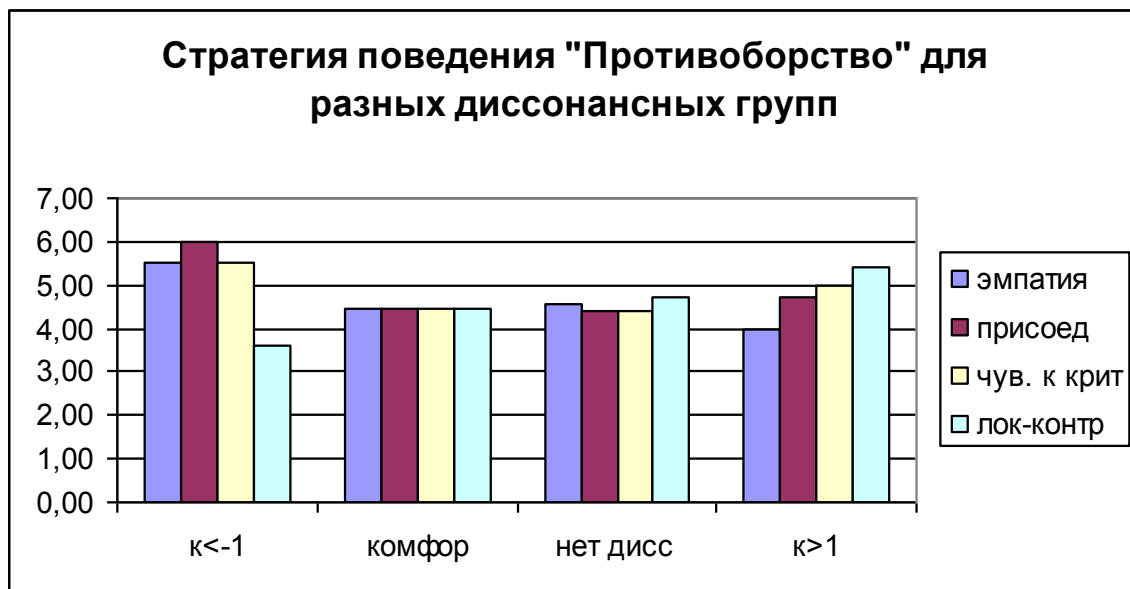

Рис. 7. Стратегия поведения «противоборство» для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (К) коммуникативно-волевого компонента.

На рис. 7 видно, что стратегия «противоборство» выше почти у всех групп, кроме высокоэмпатийных субъектов ($K > 1$ по эмпатии) и интернальных ($K < -1$ по локусу-контроля). В первом случае субъекты с высокой эмпатией не могут противоборствовать из-за своей высокой сопереживаемости противной стороне, а интернальные субъекты, не противоборствуют, т.к. контролируют свою жизнь, свою судьбу.

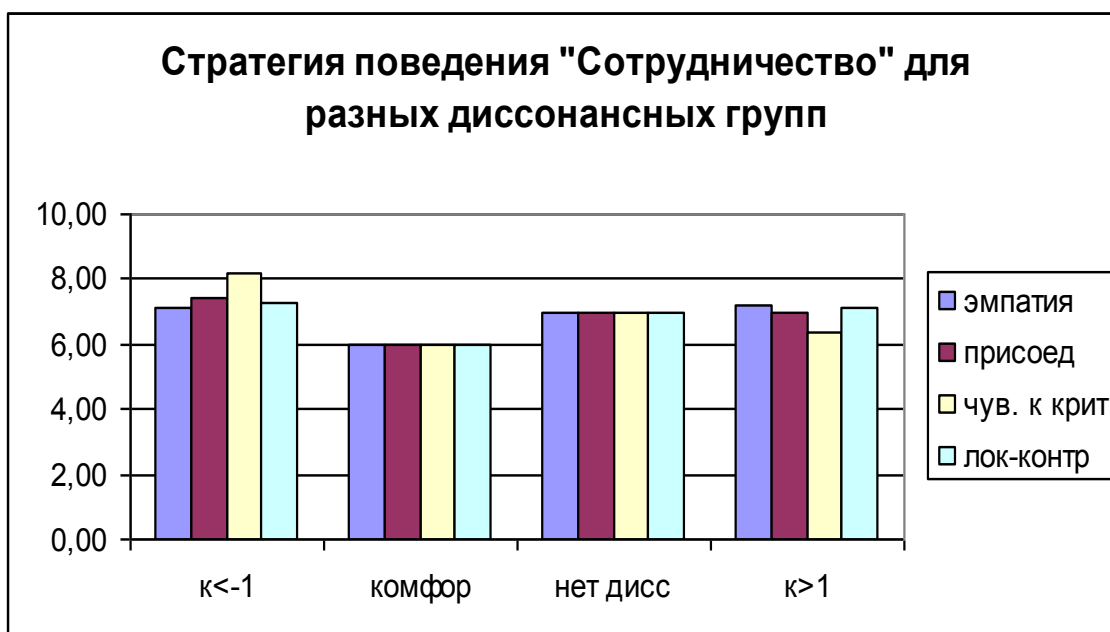

Рис. 8. Стратегия поведения «сотрудничество» для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (К) коммуникативно-волевого компонента.

На рис. 8 видно, что все группы имеют более высокие значения стратегии «сотрудничество», чем у группы конформных. Конформные меньше всех заинтересованы в сотрудничестве. Сотрудничество – это все-таки творческий процесс, а творчество присуще диссонансным субъектам, т.к. изменяет привычные представления (создают диссонанс), чему противятся конформисты. Максимальное значение сотрудничества имеет группа с низким значением чувствительности к отчуждению, такие люди могут плодотворно взаимодействовать несмотря на критику.

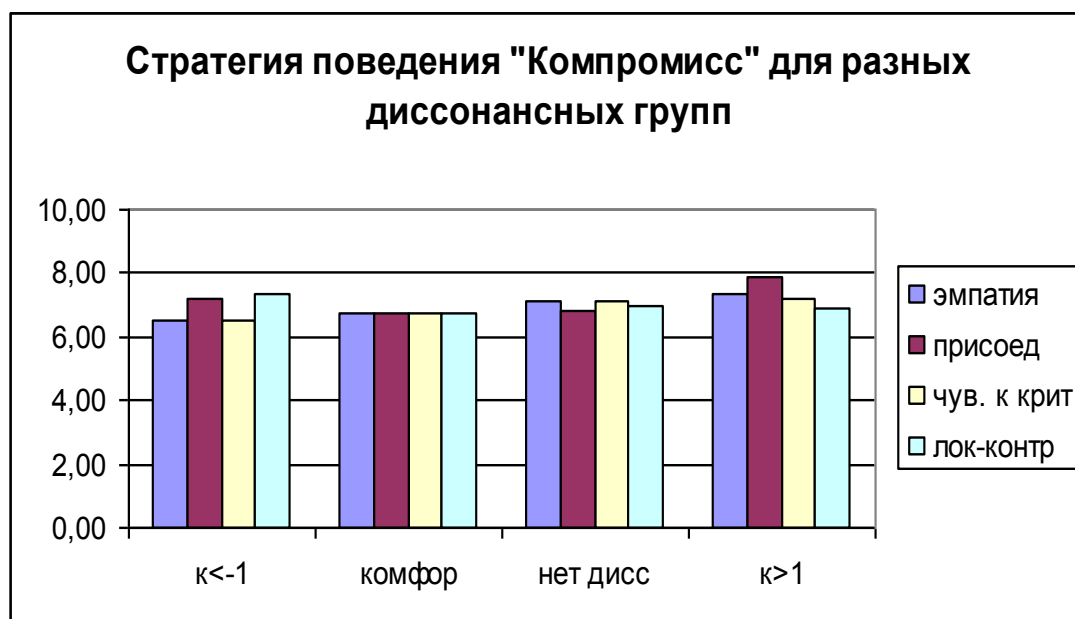

Рис. 9. Стратегия поведения «компромисс» для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (K) коммуникативно-волевого компонента.

На рис. 9 приведены значения стратегии поведения «компромисс» для социальных групп с разными коэффициентами психосоциального диссонанса (K) коммуникативно-волевого компонента. Значения сильно не отличаются для разных групп. Максимальное значение компромиссности имеет группа с высоким значением присоединение ($K > 1$), т.е. субъекты, стремящиеся к контактам наиболее компромиссны.

На рис. 10 показаны средние значения стратегии поведения «избегание» для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (K) коммуникативно-волевого компонента.

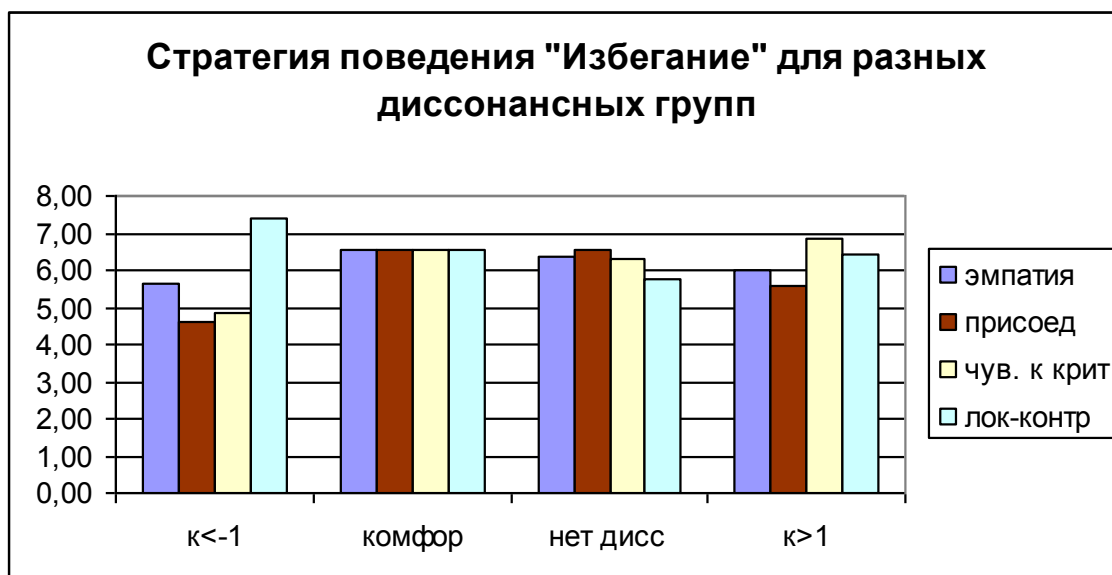

Рис. 10. Стратегия поведения «избегание» для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (К) коммуникативно-волевого компонента.

Значения стратегии «избегание» ниже или равны почти у всех групп по сравнению с конформными, кроме интерналов ($K < -1$ по локусу-контроля) и чувствительных к критике ($K > 1$). Очень сенситивные к отвержению стараются избежать конфликтов, а интерналы игнорируют конфликты, в смысле, не реагируют.

На рис. 11 показаны средние значения стратегии поведения «уступка» для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (К) коммуникативно-волевого компонента. Значения стратегии «уступка» у всех групп ниже, чем у группы конформных.

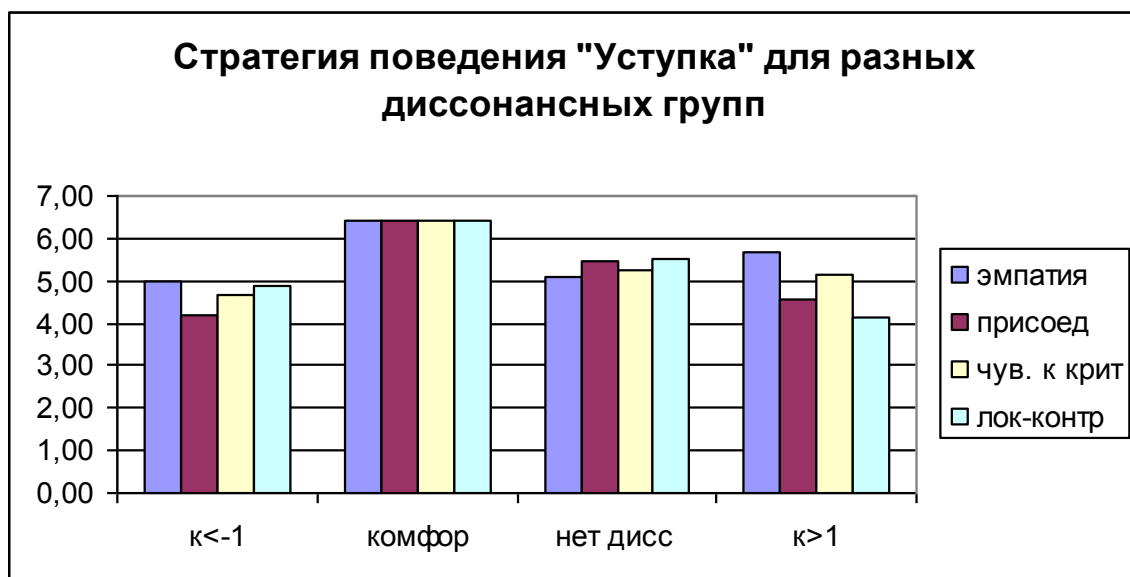

Рис. 11. Стратегии поведения «уступка» для социальных групп с разными коэффициентами диссонанса (К) коммуникативно-волевого компонента.

Самое низкое значение у группы с низким значением «присоединения» ($K < -1$), т.е. «уединены и упрямые» - не уступчивы. В целом все диссонансные личности, т.е. склонные иметь свои представления отличные от большинства и поэтому потенциально могущие творить (созидать новое, отличное от принятого) – не уступчивые, отстаивающие с упорством свои представления.

На рис. 12 - 16 показаны эти же эмпирические данные, сгруппированные по профилям стратегий поведения в конфликтных ситуациях для диссонансных групп по каждому из четырех коммуникативно-волевых компонентов. Сосчитанное количество баллов по каждой стратегии расположено на графиках в следующей последовательности: П (противоборство), С (сотрудничество), К (компромисс), И (избегание), У (уступка). Тогда можно отметить следующие варианты профилей:

1. Если получился нисходящий профиль, т.е. П – самое высокое, У – самое низкое, то исследуемый предпочитает силовые стратегии: нажать, подавить, заставить своего подчиненного или партнера уступить своим требованиям.

2. Восходящий профиль, т.е. П – самое маленькое, а У – самое большое – «мягкая» стратегия: исследуемый - человек мягкий и податливый. Больше всего на свете боится конфликтов и старается всячески их избежать, даже ценой уступок. Для него важнее сохранить человеческие отношения с коллегой, нежели любыми средствами добиться решения вопроса в свою пользу.

3. Максимум профиля приходится на С – стратегия сотрудничества: исследуемый по своему характеру – партнер. Всегда и везде старается найти общие точки соприкосновения и организовать равноправное сотрудничество.

4. Профиль имеет несколько максимумов и минимумов – стратегия владения различными тактиками: свидетельствует о том, что исследуемый владеет различными тактиками общения в конфликтной ситуации, при соответствующих условиях может пойти на компромисс или, наоборот, проявить жестокость и волю.

Такой анализ дает возможность сравнивать значение самих стратегий, т.е. профиль, для каждой исследуемой группы.

На рис. 12 приведен профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для социальной группы конформных субъектов взаимодействия, не проявляющих психосоциальный диссонанс по всем исследуемым четырем коммуникативно-волевым компонентам. Обнаружен восходящий профиль, т.е. П – самое маленькое, а К, И, У имеют самые большие значения, т.е. наблюдается «мягкая» стратегия. В исследуемой группе мягкие и податливые субъекты взаимодействия больше всего на свете боятся конфликтов и стараются всячески их избежать, даже ценой уступок. Для них важнее сохранить человеческие отношения, нежели любыми средствами добиться решения вопроса в свою пользу.

Рис. 12. Профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для социальной группы конформных субъектов взаимодействия, не проявляющих психосоциальный диссонанс по всем исследуемым четырем коммуникативно-волевым компонентам.

Конформные стараются не противоборствовать, редко применяют плодотворное сотрудничество, часто идут на компромисс, применяя стратегии избегания и уступки.

На рис. 13 приведен профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для диссонансных социальных групп субъектов взаимодействия по характеристике «Эмпатия». Максимум профиля приходится на С и К - стратегии сотрудничества и компромисса – это взаимодействие как на равных с партнерами, равными по статусу, профессиональному опыту и, возможно, по возрасту; так и во взаимодействии с сильным партнером, обладающим реальной властью и авторитетом. Это поиск третьего варианта решения, удобного и приемлемого для обоих партнеров.

Рис. 13. Профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для диссонансных социальных групп субъектов взаимодействия по характеристике «Эмпатия».

У высокоэмпатийной группы ($K > 1$) максимум профиля приходится на С – стратегия сотрудничества: исследуемый по своему характеру – партнер. Всегда и везде старается найти общие точки соприкосновения и организовать равноправное сотрудничество.

На рис. 14 приведен профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для диссонансных социальных групп субъектов взаимодействия по характеристике «Присоединение». Максимум профиля приходится на С и К - стратегии сотрудничества и компромисса – это взаимодействие как на равных с партнерами, равными по статусу, профессиональному опыту и, возможно, по возрасту; так и во взаимодействии с сильным партнером, обладающим реальной властью и авторитетом. Это поиск варианта решения выхода из конфликтной ситуации, приемлемого и для сильного, и для слабого партнера.

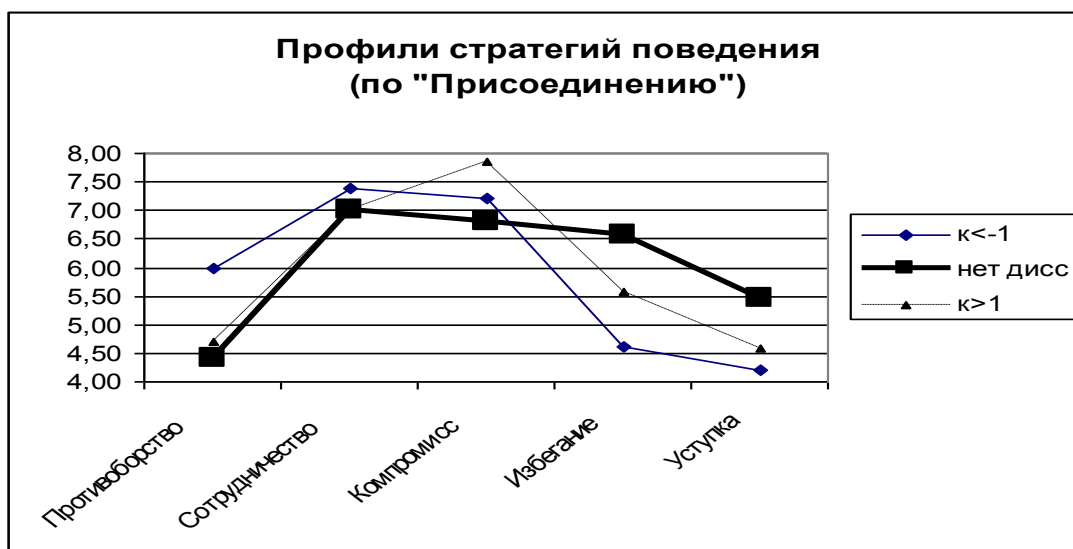

Рис. 14. Профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для диссонансных социальных групп субъектов взаимодействия по характеристике «Присоединение».

Аналогично строятся профили стратегий поведения в конфликтных ситуациях диссонансных групп по чувствительности к критике.

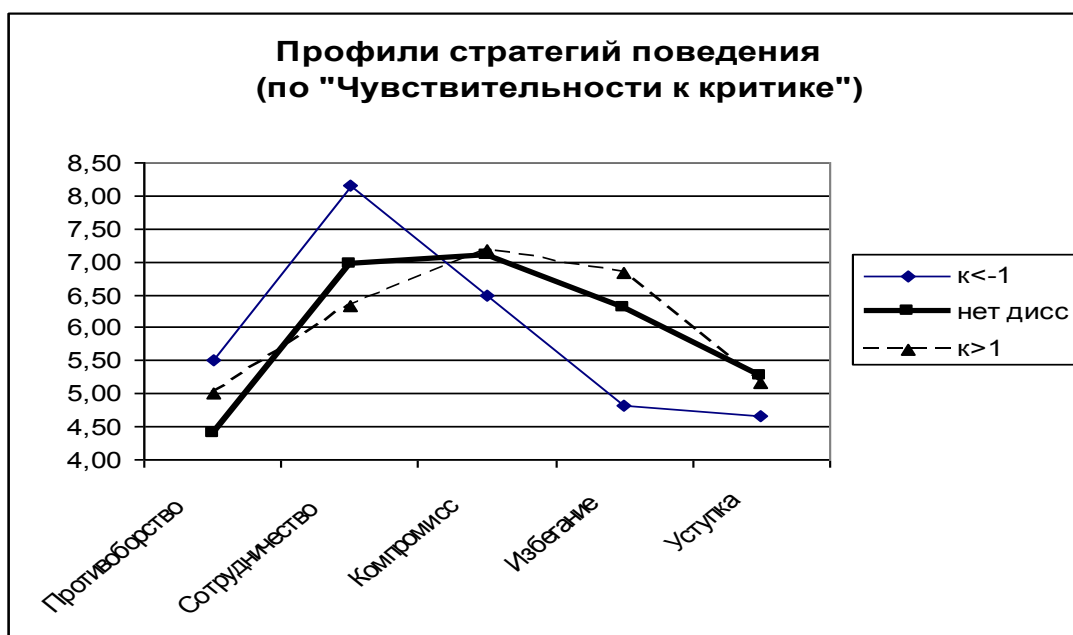

Рис. 15. Профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для диссонансных социальных групп субъектов взаимодействия по характеристике «Чувствительность к критике».

Рис. 16. Профиль стратегий поведения в конфликтных ситуациях для диссонансных социальных групп субъектов взаимодействия по характеристике «Локус-контроля».

В завершении этих эмпирических исследований были проведены корреляционные исследования по методикам Меграбиана, Роттера и Томаса, которые приведены в табл. 4. Закрашенные коэффициенты имеют достоверность 0,05. Чем чувствительнее субъекты к критике, сенситивнее к отвержению, тем меньше у них желание сотрудничать при возникновении конфликтных ситуаций. И чем больше субъект стремится к присоединению, тем больше избегает конфликтных ситуаций. Все это согласуется с предыдущими графиками и общими выводами.

Таблица корреляций коммуникативно-волевых компонент
и стратегий поведения в конфликтных ситуациях

	эмпатия	присоединение	чувствительность к критике	локус-контроль
Противоборство	-0,23	-0,06	0,05	0,16
Сотрудничество	0,02	-0,21	-0,30	-0,04
Компромисс	0,18	0,19	-0,04	-0,17
Избегание	0,19	0,31	0,23	-0,11
Уступка	0,00	-0,12	0,11	-0,05

Так выявлена взаимосвязь, взаимозависимость между коммуникативно-волевыми компонентами и стратегиями поведения в конфликтных ситуациях.

3. Возможности практического использования вероятностной модели психосоциального диссонанса в целях исторической детравматизации этнического сознания

С точки зрения практического использования вероятностная модель психосоциального диссонанса в целях исторической детравматизации этнического сознания позволяет описывать психические явления, научно обосновывать методики, методы и т.д. в практической социальной психологии. Например, в психотерапии. Как бы удачно не был проведен сеанс психотерапии, в большинстве случаев субъект через какое-то время снова возвращается к исходной точке. В рамках нашей модели, чтобы сдвинуть свойство субъекта, необходимо проводить множество сеансов (ежедневно, как, например, при аутотренинге - АТ). При разовых или немногих сеансах мы меняем состояние субъекта, а не свойство. А состояние по определению сохраняется только короткое время, и чтобы перевести в свойство субъекта желаемое состояние, необходимо сдвинуть распределение вероятности

(ценности) в нужную сторону. Поэтому психотерапия, психологическое консультирование помогает, если мы хотим изменить психическое состояние (например, последствия стресса после большого психического потрясения), а не свойство человека. А для изменения свойства человека нужны регулярные тренировки в течение длительного времени.

Концепция психосоциального диссонанса применительно к нашему исследованию обеспечивает изучение детерминант развития не только с точки зрения способности как системного свойства психики целостной личности, но и как процесса саморазвития, обусловленного изнутри, а не только извне. Формирование психологического «облика» субъекта можно рассматривать не только в контексте понятия «благодаря», но отчасти и «вопреки». Конкретно это выражается в качественно различном функционировании определенных групп психологических преград.

Возникновение психосоциального диссонанса и «неправильное» отношение к нему ведет к органическим нарушениям в теле, к болезням. Многие люди до сих пор историческую травму рассматривают как личную трагедию и подрывают свое личное здоровье из-за событий многолетней давности. Чтобы поправить здоровье, а не заблокировать болезнь, нужна консультация по здоровью у психолога. Это предполагает, по нашему мнению, – 1) выявление психосоциального диссонанса, которое проявляется в несоответствии личностного представления с групповыми (статистическими) нормами (нормами большинства); 2) осознание причин психосоциального диссонанса, как нарушение норм, как не совпадение представлений, которые ведут к стрессу, блокировке физиологических процессов, нарушению их; 3) выход из нарушений представлений: либо - а) на следующий (верхний) уровень осознания, развития, и понять, что там это нарушение означает (расширить представления норм); либо - б) на прежнем уровне уменьшить психосоциальный диссонанс, т.е. сдвинуть личностные значения представлений в сторону групповых норм.

Направить энергию психосоциального диссонанса в дело, творчество, саморазвитие или же на разрушение, болезнь – вот выбор перед которым стоит человек, и этот выбор в свою очередь определяется мотивами человека. Без психосоциального диссонанса нет развития, развитие – это что-то новое, т.е. вне нормы – диссонансно. Здоровье человека детерминировано степенью диссонансности (коэффициентом психосоциального диссонанса) его представлений, характеристик психики человека (компетенций) с окружающей его социальной средой, и направленностью энергии психосоциального диссонанса и отношения к историческим событиям.

Пространство проявлений диссонанса и реакции на историческую травму может быть представлено в координатах «интенсивность I – длительность T» (табл. 5).

Таблица 5

Проявления реакции на историческую травму

↑ Интенсивность I	
<p>I. I↑T↓ высокая интенсивность K >2 короткая длительность Потенциальная предрасположенность к творчеству, инсайту, вплоть до гениальных открытий и идей. Невротичность. Опасность маргинальности в социуме. Проведение митингов, отдельных акций, демонстраций протеста.</p>	<p>II. I↑T↑ высокая интенсивность K >2 продолжительная длительность Высокая вероятность неврозов, психосоматических расстройств и т.д. Всевозможные варианты разрушения личности, иррациональное поведение. Проведение проповедей, фанатизм, разжигание страстей вокруг исторического феномена.</p>

<p>III. I↓T↓ низкая интенсивность $2 > K > 1$ короткая длительность Скоротечное рассогласование когнитивной и коммуникативно-волевой сферы. Импульсивное поведение, отсутствие навыков саморегуляции. Увлечения исторической темой под чужим влиянием.</p>	<p>IV. I↓T↑ низкая интенсивность $2 > K > 1$ продолжительная длительность Адаптация к хроническому диссонансному состоянию с выраженными акцентуациями характера и психосоматическими нарушениями. Проведение просветительной работы, исследования в архивах.</p>
---	--

Длительность T

→

Полученные результаты межгруппового психосоциального диссонанса помогают в прогнозировании, моделировании вероятных действий социальных групп между собой. Доказано, что с повышением значений психосоциального диссонанса, повышается социальная напряженность, внешний или внутренний конфликт, который исторически закрепляется в памяти народа и может развиваться по одному из четырех сценариев.

В первом сценарии преобладает активная работа по сдвигу представлений популяции в сторону групповых представлений (борьба, агрессия). По второму сценарию - сдвиг групповых представлений в сторону представлений популяции, растворение группы в популяции, потеря собственной индивидуальности группы (конформизм). В третьем сценарии сотрудничество, консенсус, интеграция (взаимный сдвиг представлений). Четвертый сценарий даст выход социальной группы из популяции (изоляция, сегрегация). Внутригрупповой конфликт, общая травма объединенного народа приводит к следующим действиям: к внутригрупповой работе по выработке внутригрупповых ценностей, к преодолению внутригрупповых психологических преград; или к усилению внутригрупповой борьбы, к дестабилизации группы, к деградации, к разрушению группы.

Если удастся конфликт разрешить, психосоциальный диссонанс приводит к развитию обоих субъектов взаимодействия.

Превентивно диагностируемый межгрупповой психосоциальный диссонанс позволяет прогнозировать развитие социальных процессов в обществе и на этом основании выстраивать стратегию предупреждения социальных кризисов и травм.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно определить ряд научных проблем и перспективных направлений, требующих дальнейшего изучения:

- расширение области использования модели психосоциального диссонанса для различных представлений субъектов взаимодействия (личностей, социальных групп, обществ): о ценностях, интересах, характеристиках субъектов взаимодействия и т.д. в психологии управления, психологии конфликтов, политической психологии и др.

- в социальной психологии появляется математический аппарат для исследования свойств социальных групп;

- появляется возможность исследования в различных напряженных ситуациях между личностями (внутри социальной группы – семье, коллективе, обществе и т.д.), социальными группами (внутри общества), обществами (межнациональные, межгосударственные отношения);

Для исторической детравматизации этнического сознания необходимо изменение представлений народа, что возможно через институт фасилитации общественного сознания. Фасилитатор – это отражение норм общества. Виртуальный или внутренний фасилитатор был, есть и будет всегда, именно, как отражение нормы окружающей социальной среды.

Существует и другой механизм – коллективное, общественное сознание можно представить, как фасилитатора, или отражение социального сознания через конкретизированного (визуализированного) фасилитатора.

Изменение исторической психотравмы – это изменение представлений об этой истории в коллективном сознании, т.е. изменение отношения общества (народа) к этому историческому факту.

Исторические травмы тяжелы для общества тем, что они подрывают доверие к будущему, прошлое должно пройти, чтобы дать дорогу для возможности продуктивно строить будущее. Непрошедшее прошлое с двадцатого века стали изучать философы и историки, психологи и педагоги, стали заново оценивать такие социальные явления, как антисемитизм, колониализм, расизм, фашизм. Стало меняться отношение к тем, кто оказал воздействие, и к тем, кто пострадал. Это подрывает основы современного общества, меняя местами победителей и побежденных. В эпоху модерна история строилась на забвении, на замалчивании боли жертв этнических чисток, работорговли, переселения народов, апартеида и так далее. В мире стерлись границы между настоящим, прошлым и будущим, государства эксплуатируют коллективную память для самоутверждения или покаяния, в конституциях закрепляется только позиция правящего класса.

Итак, сознание народа – это коллективное сознание, которое определяется социальными представлениями. Изменение сознания народа (на исторические факты, причиняющие психологическую травму) заключается в изменении социальных представлений при помощи фасилитации, техники изменения представлений (например, хорошо развитых в НЛП, где тренеры работают как фасилитаторы).

Литература

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александер // Социологический журнал. - 2012. - №3. - С. 5-40.
2. Александер Дж. Смыслы социальной жизни. - М.: Культурсоциология, 2013.
3. Андреев Л.Н. Красный смех. - М.: АСТ, 2002.
4. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. -М: НЛО, 2017.
5. Бегоян А.Н. Анатомия психотравмы: боль, болезнь и исцеление // Психотерапия. - 2013. - № 5 (125). - С. 59-62.
6. Бегоян А.Н. Нейробиологические механизмы когнитивно-концептуальной терапии психотравмы // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2015.
7. Бруно Б. Просвещенное сердце. - США: Фрипресс, Эй Корпорейшн, 1960, перевод 2008.
8. Васина В.В. Межэтнические и межконфессиональные конфликты в аспекте социального взаимодействия // В сборнике научных статей «Проблемы диагностики риска возникновения и предупреждения межэтнических и межконфессиональных конфликтов»-Казань: ЧОУ ВПО АСО, 2014. -238с., С.110-126.
9. Васина В.В. Состояние конфликтности в свете био-психо-социодуховной составляющей человека / В.В.Васина // Социальный мир человека. Ижевск: ERGO, 2014. 340 с., С. 43 – 45.
10. Васина В.В. Социально-психологическое предупреждение возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов / Казанский педагогический журнал. - 2014 - № 4. Казань: ИППО РАО. С.45-54.

11. Васина В.В. Социально-психологическое прогнозирование риска возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов (на примере Республики Татарстан) [Текст]: монография / [Фахрутдинов Р. Р., Васина В. В., Чеверикина Е. А., Халитов Р. Г.]; Академия социального развития. - Казань : Акад. социального образования, 2014. - 175 с. : ил.; 21 см.; ISBN 978-5-98259-060-2 : 500 экз.

12. Васина В.В., Халитов Р.Г. Нелинейная модель психосоциального диссонанса как характеристика взаимодействия личности, социальных групп, общества / В.В.Васина, Р.Г.Халитов // Городское здравоохранение – 2009. - № 2. – С.23-25.

13. Васина В.В., Халитов Р.Г., Юсупов И.М. Возможность изменения представлений о коррупции в обществе / В.В.Васина, Р.Г.Халитов, И.М.Юсупов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. - № 4. – с. 5 – 8.

14. Гинзбург Л. Проходящие характеры. Проза военных лет. Записки блокадного человека. - М.: Новое издательство, 2011.

15. Крепелин Э. Жизнь и работа психиатра между позитивизмом и иррациональностью. - Мюнхен: Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, 1990. - 151с.

16. Налимов В.В. Облик науки. СПб. - М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 368 с.

17. Нил А.Г. Национальная травма и коллективная память. - Armonk, 1998

18. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.

19. Решетников М.М. Психическая травма. - М.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006.

20. Социальная психология. 7-е изд. / Под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.

21. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05: Москва, 2002. 306 с.

22. Федунина Н.Ю., Бурмистрова Е.В. Психическая травма. К истории вопроса // Журнал практической психологии и психоанализа, 2014, №1
23. Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Вестник психоанализа. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа. 2002. 1.С. 13–30.
24. Халитов Р.Г. Конфликт как потенциал развития / Р.Г. Халитов // Социальный мир человека – Вып. 4: Материалы IV Всероссийской конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций», Ижевск, 28-30 июня 2012 г. / Под ред. Н.И. Леонова. – Ижевск: ERGO, 2012. – 172 с. – с. 19 – 22.
25. Халитов Р.Г. Модель психосоциального диссонанса в половозрастных социальных группах (на примере коммуникативно-волевых компонентов психики) / Р.Г. Халитов // Экспериментальная психология, 2010. - № 3. - с. 135.
26. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс; [пер. с франц. С.Зенкин]. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
27. Begoyan, Arman. An Anatomy of Psycho-trauma: Pain, Illness and Recovery // International Journal of Psychotherapy.- 2014.-Т. 18, № 3.- С. 41-51.
28. Herman, Judith Lewis. Trauma and recovery. - New York: BasicBooks, 1992.
29. Tammy Clewell. Mourning Beyond Melancholia: Freud's Psychoanalysis Of Loss, 2011.
30. Triplett N. (1898). The dynamogenic factors in pacemaking and competition. American Journal of Psychology, 9, 507-533/
31. Zajonc R. B. (1969). Social facilitation of word associations: Erratum. Journal of Personality and Social Psychology, 12(2), 150. doi:10.1037/h0020915

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

<http://conference-nicmisi.ru>